

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

САРАФАННОЕ РАДИО

Комедия в двух действиях.

г. Екатеринбург

2025 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГЕРМАН, 65 лет

НАДЯ, его жена, 20 лет

ТАТЬЯНА, дочь Германа, 45 лет

МИША, сын Германа, 40 лет

НАТАЛЬЯ, их мать, 65 лет, бывшая жена Германа

ИГОРЬ, муж Натальи, 20 лет

ЛИЗА, дочь Татьяны и Валерия, 20 лет

МАРИЯ, соседка по даче, 65 лет

РУСТАМ, ее муж, 20 лет

СТЕПАН, 20 лет

ГОЛОС ВАЛЕРИЯ, мужа Татьяны, 45 лет

Богатая дача в три этажа за городом. Вокруг дачи лес, поле и чуть подальше – озеро.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

... Тут когда-то был только крошечный домик, чулан в садовом товариществе, сколотили его давно, в нем хранили лопаты и грабли. Постоянно не жили тут, а кормились участком наездами, приезжали, копошились в земле и всё выращивали. Тут была просто полянка в лесу, потом деревья спилили, пни выкорчевали, вскопали землю и сделали огород. А когда стало возможным всё купить в магазине, а не карячиться на огороде, то засеяли всё газоном. Долго строили, строили дом, и наконец, возвели этот бревенчатый замок в три этажа. И приезжали, и теперь приезжают сюда всей семьей только отдохнуть. Но редко. Какой тут отдых среди комаров? Чаше на Мальдивах все.

Дом такой хороший. Он почти в лесу. Теперь лес только за оградой – сосны и березы вперемешку. В лесу стрекочут сороки, а хомяки и кроты тихо копают себе норы, еще - бесшумно бегают длинноухие зайцы, а может – это кролики тут живут, расплодился и одичали? Сразу за забором в лесу грибы. И не какие-то там синявки, а самые настоящие белые, потому что народу тут ходит мало: тут тихо, пусто. Тут не жмутся дома друг к другу, тут не высматривают соседи, а что там у других творится? За деревьями дом, чуть видна крыша - в нем живет МАРИЯ.

Огромный двор огорожен высоким железным забором. Газончик, травка зеленая и посредине даже – бассейн небольшой. В нем вода и по воде плавают листочки березок: давно никто не купался в бассейне – не до того сейчас обитателям, гостям этого дома.

Тут так красиво, так хорошо я это придумал ... Всё, как в моей мечте, как могло бы быть. Не моя заваливающаяся избушка в Логиново, где я пишу эту пьесу, а огромный и сказочный дом я сочинил. У моих соседей в Логиново, напротив, такой вот дом, и они такие злые - от своего богатства, что ли?

Так и эти, что тут живут. Богатые и злые. Вроде, у них три этажа, огромная дача, ну так - чего злиться-то? Ну, еще бы у богатого ГЕРМАНА БЕЛКИНА была бы не огромная дача. Ему все ж таки, 65 лет, а к этим годам пора бы уже обзавестись и дачей, и большой квартирой в городе, и машиной, и прочим, что положено для статуса всяким там селебрити. А он – селебрити, ректор в университете, да. А все селебрити и их родственники, как известно, злые и сморщенные.

... Сегодня у Белкина-старшего важный день. Он женится. Второй раз в жизни. Его и невесты пока за столом нету. А стол на веранде накрыт огромный: прямоугольный, с красивой скатертью, на нем дорогая посуда, то-сё.

За столом сидят ТАТЬЯНА, дочь Германа, ей 45, МИША, сын Германа, ему 40, ЛИЗА, дочь ТАТЬЯНЫ – ей 20 лет.

Тут еще и соседка – МАРИЯ, ей 65 лет, «Маруся» ее зовут. Она почти член семьи, много лет - соседями, она за этим домом присматривает, потому что она тут живет постоянно, не наездами. Да к тому же она какая-то дальняя, седьмая вода на киселе, родственница. МАРИЯ сидит рядом со своим мужем РУСТАМОМ, ему 20 лет.

Стол от еды ломится. И выпивка тут, ну - всё есть. Всё праздничное очень. И даже букет полевых цветов в центре стола в трехлитровой банке. Букет так стоит, что, чтобы говорить, все, сидящие за столом, или налево-направо склоняются, или встают, чтобы тому, кто сидит напротив, что-то сказать.

Веранда большая. Всё из чистого дерева, всё не новое, а обжитое, прошорканное ногами всех живших тут взрослых и выросших тут, на этой даче, детей. Перила красивые, балясинки пузатенькие, сделаны на совесть. Ступеньки с крыльца – три штуки, краска слезла, половичок вязанный у входа.

Под столом кот ходит, ЖЕБАЙКА, ходит, трётся об ноги – хвост трубой, доволен, что его вывезли в лес. ЖЕБАЙКА у ЛИЗЫ живет, ЛИЗА, дочь ТАТЬЯНЫ, привезла его.

РУСТАМ всё курит, всё встает из-за стола и на перила облакачивается, дым выдыхает в сторону леса, в сторону берез и сосен.

Лето. В лесу птицы поют и сороки стрекочут: тра-та-та да тра-та-та ...

ТАТЬЯНА. Миша, кисюля моя, хоть ты и писатель, хоть ты и художник от слова «худо», но я давно сказать тебе хочу: у тебя не голова, а мусорное ведро.

МИША. Таня, ты к фонарному столбу привязаться можешь. Что тебе от меня сегодня надо? Пристала, банный лист. Чего надо, ну?!

ТАТЬЯНА (поет). «Девочка Надя, чего тебе надо?!». Песня есть такая. Молчи. Выступать будешь в морге.

МИША. Я тут при чем? Не задирайся. А у тебя какая голова, не помойка, нет? Что ты всё несешь и несешь, что ты меня туркаешь всё время и позоришь? Дай поесть спокойно. Молчи, сойдешь за умную. Я в чем виноват? Да, я писатель. И что? А что ты всё по этому

поводу меня елдыкаешь? Я писатель, да. Не завидуй.

ТАТЬЯНА. Мы писали, мы писали, наши пальчики устали.

МАРИЯ. Конечно, Миша, ешьте, я приготовила всё.

ТАТЬЯНА. Кисюля моя, Марусенька, ну, не всё ж ты одна приготовила, нет?

МАРИЯ. Ну, давай, теперь с Миши - на меня кидайся. Ой, горе ...

ТАТЬЯНА. Да, да, Маня. Ты - салат, винегрет сделала, как я попросила, но денег на это барахло я перевела тебе, кисюля, ты не забыла? Подвиги не устраивай тут. А всё остальное я привезла на машине из города. Всё холодное, правда, и мясо, и колбаса, но что делать? Правда, назад ехать на машине не смогу – напьюсь сегодня с горя. Поеду на электричке. Ночевать тут – да упаси Бог! И больше сюда ни ногой, нет, нет! Не понесут меня ноги сюда, на эту фабрику грёз, завод снов, мастерскую иллюзий.

МАРИЯ. Ешьте. Тут много всего на стол Наденька заказала, вот – доставка была, привезли из ресторана из богатого.

ТАТЬЯНА. Какая еще Наденька, Машенька?

МАРИЯ. Надя – жена Германа, твоего папочки.

ТАТЬЯНА. А, Наденька-жопка-гладенька?! Кисюля, Марусенька, ты не говори так. Он мне и Мише не папочка, а он - гад последний. Вот что! Так, вот что! Ты покажи – какое от нее, да? Я не буду это есть. Ткни пальцем, флажки поставь. Это, это и это? Ага. Итак! Из ресторана, еёное – жрать не будем. Будем только моё, моё, холодное жрать! Едим! Ну?! Не будем ждать его с ней, тьфу, с ней его!

МАРИЯ. Ты не говори – «его». Ты говори – «отца». Хватит, Таня.

ТАТЬЯНА. Кисюля моя! Какой он мне теперь отец? Он молодой муж!

ЛИЗА. Мама, хватит.

ТАТЬЯНА. А как это, Лиза, а!? А?! Как по-твоему? Если он жениться решил на молодой, то – я что, а?! Маша, Миша, она Лизке вон ровесница, а он, старбень, он - ровесник тебе, Манька, и он что делает?!

МАРИЯ. А тебе не всё ли равно?

ЛИЗА. Что повидло, что говно ...

МАРИЯ. Помолчите все, хватит! Считаешь тут всем года. Танька, какая ты злая стала. Хватит тебе! Сидит уже час и всех пилит. Всех Богов и Боженят собрала, ругается. Так, всё! Надо начинать есть. А то мухами засидится всё, подвянет всё. Что их ждать? Раз он ее повез окрестности показывать, дак, поди, надолго.

ТАТЬЯНА. А ей зачем окрестности? Она тут по грибы ходить будет, что ли? Будет веники для бани вязать, по березам лазить, что ли?! Дрова для камина будет собирать?! Ага! Она что может? У нее же по морде видно: белоручка! А по рукам видно: воровайка, руки на клею! Отца обокрасть, облапошить хочет!

МАРИЯ. Хватит, говорю! Гав да гав. Что ты отца задираешь? Говорено сто раз. Хватит, сидите и ешьте. Рустам, ешь. тоже

ТАТЬЯНА. Я его не задираю. Я ему, папе, слова ещё не сказала. Я в церкви стояла, как вкопанная. А они – что?! Боже, Боже! «До смерти с тобой! Пока смерть не разлучит!». А они – кольца! Ужас, ужас! Неужели я дожила до такого позора?! *(Рыдает)*. Я не хотела ехать, но решила: буду, буду тут и посмотрю этой твари, этой кисюле в глаза!

МИША. На цугундер тебя отправить уже надо, или сдать в ЛТП на лечение за пьянство.

ТАТЬЯНА. Какое еще ЛТП?

МИША. Лечебно-трудовой профилакторий для алкашей. Был раньше такой. Я вот как писатель недавно поймал такой фразеологизм: «Сарафанное радио». Даже хочется написать такую книгу. С таким названием. Где люди разговаривают, а не слышат друг друга. Про нас.

ТАТЬЯНА. Да ты к чему это?! Какая логика в твоей речи? Какое радио? Кто тут в сарафанах ходит?!

МИША. А такая логика. Я всё время ловлю словечки. Мне так радостно, что у нас русский язык ...

ТАТЬЯНА. ... а не татарский?! Миша Белкин писатель, Боже! Упасть и не встать! Я тут недавно книжку прочитала, называется: «Как разгадать мерзавца!». Не ты написал?

МИША. Отстань. Рустам, я написал большую книгу о скандинавских Богах под названием «Фрейя, Тор и Локи» ...

ТАТЬЯНА. Ага. «Фрея, Тор и Локи в гостях у Чебурашки».

МИША. Отстань. Я подпишу вам книгу, Рустам.

ТАТЬЯНА. Нет, ну хоть «Аллах!» кричи! «Да, Рустам? Нет, Рустам? Так, Рустам?». Ты не борзей, Миша! Ты как со мной разговариваешь?! Я ж говорю: у тебя не башка, а мусорное ведро! Ты смалку дурак. В голове грыжа у тебя. Колхоз-навоз! Змеючи твои ноги, гадюча голова – вот кто ты. Какое-то радио тут приплел ...

МИША. Сама не борзей. Кстати, запишу это слово. Красивое.

МАРИЯ. Тихо вам! Вот это ешьте. Это баклажанчики. У меня растут. У нас с Рустамом. Да, Рустамчик? Вы сюда так редко стали приезжать. Как серебряный полтинник появитесь, и снова вас полгода нету.

МИША. А что тут комаров кормить? Мы на Мальдивах чаще, или где-нибудь в Европе.

МАРИЯ. Ну, ешьте.

ТАТЬЯНА. Что ты им уже суешь еду? Приедут эти, начнутся танцы с бубном, тогда начнем есть, пить и драться.

МАРИЯ. Тебя не поймешь. Ты – то: ешьте, то – не ешьте. Ты уже приняла, Танька, крепко, вижу. Ну и пей, пройдет тоска.

ТАТЬЯНА *(поет)*. «Пройдет тоска, наступит лето! Спасибо партии за это!».

МАРИЯ. Раз так: я тоже хочу чутка выпить. Да, Рустамчик?

ТАТЬЯНА. А я хочу в усмерть нажраться, не чутка! А ты что это у него всё время разрешения спрашиваешь и всё словно ждешь от него одобрения, поддакивания?

МАРИЯ. Так просто. Да, Рустамчик?

ТАТЬЯНА. Ужас-ужасный-преужаснейший-жуткий-жуть. Да кто там трется под ногами?!

ЛИЗА. Это мой Жебайка. Он счастливый, что я его привезла. Пусть мышек половит.

ТАТЬЯНА. Ненавижу кошек. Они похожи на мужиков.

МИША. Таня?! Хватит! Правда: выпить надо. А то морды кислые. Такие кисюли все сидят. *(Смеется)*. И надо молодых встретить как-то повеселее. *(Смеется)*. Рустам, мне много не наливай. Мне стакан бражки, да стакан компоту и я - в лоскуты, в кустах. Это поговорка такая. Я так образно и витиевато говорю, Рустам, вы понимаете, да? Я писатель. *(Смеется)*.

ТАТЬЯНА. Заладил! Алкаш! Мусорное ведро! Прибаutoчник! Вот кого папочка вырастил! Каких молодых мы ждем, а?! Ей 20, а ему 65! Он чёкнулся, а вы его поддерживаете, да, так?

МИША. «Так, так!» – сказал бедняк. То да потому. Хватит тебе, надоела. Пьем. На цугундер вас всех. На цу-гун-дер!

Миша смеется. Больше никто. Выпили. Молчат. Едят. Вздыхают.

МАРИЯ. Сменим тему на позитивное. И про здоровье. Вот, слушайте: я теперь везде хожу с норвежскими палками. Это очень полезно для здоровья. Тут идти-то к вашему дому: два шага – вон мой дом, рядом. Рустамчик, не кури ты так часто, сядь. Ну, вот. А я с палками. Это для здоровья. И по лесу за грибами так хожу. Рустам плохо понимает по-русски. Да и не надо ему, ему наши дела до лампочки. Он вообще не всасывает – кто тут замуж выходит, что и зачем. У татар по две и по три жены бывает. Ну, не в городе, а в деревнях по три жены – так говорят.

ТАТЬЯНА. И у него так? Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять? Ой, дурко ты, Манька, дурко. Сядьте тут, Рустам. То есть, сиди тут, Рустам. Нет, стой там! Ой, уйдите все!

Рыдает. Все долго молчат.

Потом Татьяна, вытерев слезы, начинает громко кричать, обращаясь к Рустаму:

Э, Рустам?! Объясняю ситуэйшен: это – моя брат. *(Тычет пальцем в Мишу, Миша ест и смеется)*. Это – мой дочка! *(Тычет пальцем в Лизу)*. А моя отца пошла жениться! Она – скоро! Это наш изба! Это наша стол! *(Молчит)*. Как ему сказать, что отец скоро из церкви с молодой женой приедет?

МАРИЯ. Дак так и скажи, чего ты орешь? Он понимает. Плохо, но понимает.

ТАТЬЯНА. Да кого он понимает? Как он русскую душу понять может? Он же татарин. И молчит. Ему свинину нельзя, а ты ему холодец поставила. Татарин гость, как в горле кость. *(Кричит в сторону Рустама, встала, из-за букета выглядывает)*. Свинья – нет! Секир башка! Айда аллах! Секир башка свинья! Аллах акбар, алга, понимаешь?!

МАРИЯ. Да ты пьяная совсем, Танька, ну? Что ты разоралась-то, всех сорок в лесу перелякаешь, вон – всполошились, стрекочут. Что кричишь? Он всё понимает.

ТАТЬЯНА. Он же молчит. Даже головой не мотнёт.

МАРИЯ. Ну и что? Рустам, мотни ей головой, пусть отстанет, да? *(Рустам хмурится, машет головой)*.

ЛИЗА *(смеётся)*. Собачка у нас в машине так же вот головой кивает, на бардачке стоит. Мама, ну, где дедушка? Позвони ему. Что мы тут сидим, комаров кормим? Поедим быстро, да ехать. Я вас с Мишей отвезу. Ты уже пьяная.

ТАТЬЯНА. И ничего и не кормим. Ты гоняешь, тебе нельзя за руль.

ЛИЗА. А тебе нельзя – ты пьяная.

ТАТЬЯНА. Хоть бы ты переживала, Лиза, кисюля ты моя! Хоть бы ты переживал бы, Мишка! Никто не переживает! *(Рыдает)*. Кисюля ты моя Лиза, ты хоть меня слышишь?! Твой дед женится на двадцатилетней! Ты чуть постарше ее – на два месяца! Ну, надо ведь что-то делать?!

МИША. Снять штаны и бегать! *(Смеется, выпил)*.

ТАТЬЯНА *(кричит)*. Рустам, моя понимай тебя, а ты меня понимай, нет?! *(Молчит)*. Да хер ты понимаешь, татарва.

МАРИЯ. Да что ты к нему пристала? Кисюля, кисюля. Задолбала.

ТАТЬЯНА. Меня прям потрясает ваше равнодушие.

МИША. Анекдот. У бабы спрашивают: «Ты с ним по любви или за деньги?». Она отвечает: «Конечно, по любви. Три рубля – разве это деньги?!». (*Хохочет, выпил*). Смешно?

ТАТЬЯНА. Ужас. И этот татарин молчит. В воде черти, в земле черви, в Крыму татары, в Москве бояре, в лесу сучки, в городе крючки. Понял?

МИША. Ну, ты даешь. Запишу.

ТАТЬЯНА. Я вообще-то закончила филфак.

МИША. А я фак журналистики. (*Смеется*). Ты ни дня по специальности не работала.

ТАТЬЯНА. Можно подумать: ты работал.

МИША. А зачем мне работать? У меня же папа. Да, мы с тобой, можно сказать, люди искусства. Искусственники значит! Не работаем! (*Смеется*).

ТАТЬЯНА (*кричит Рустаму*). Моя отца женилась! Взяла девка молодой отца моя, понимаешь?! Я ей, отцу мой – дочка! А эта - мой дочка! А эта - моя брат! А наша отца на бип-бип ехать из мечеть, из церква поехала с молодой жинка! Понял?! (*Молчит*). Да блин, где ты нашла этого татарина?! Почему я должна так тратиться, орать ему всякое, язык ломать?

МАРИЯ. А ты не ломай. Что ты к нему привязалась?

ТАТЬЯНА. Потому что я не вижу тут союзников! Дак я хоть с татаринном в союз вступлю в этой ситуации!

МИША. Они триста лет ордой сидели на шее русского народа. Союз республик татарских! (*Смеется*).

МАРИЯ. Он мне крышу ремонтирует. Еще вскопал огород. Еще калитку починил. И теплицы подлатал.

ТАТЬЯНА. Дак он гастарбайтер?! А ты его с нами за стол?!

МАРИЯ. Он не просто гастарбайтер. И потому он - за столом. Он ремонтировал мне крышу, а потом спустился ...

МОЛЧАНИЕ.

ТАТЬЯНА. А? Что?! В смысле? Ты что? Ты шутишь, да? Он моложе тебя на сорок лет!

МАРИЯ. Ну, если чутка точнее: на сорок пять. (*Ест, смеется*).

ТАТЬЯНА. А?! Что?! Ты шутишь, Маня, кисюля моя? Он – значит, да?! А ты перед ним в халатике, в таком затрапезном виде, с таким вот термоядерным декольте?! То есть, совсем семья?!

МАРИЯ. То есть, совсем семья. Нормально я одета. Отвали. Не позорь меня при нем.

ТАТЬЯНА. А папаня наш не от тебя ли этой свободой, этим свободомыслием заразился?! Он сюда на дачу в последнее время часто нырял, дак – значит: от тебя?!

МАРИЯ. Чем он заразиться от меня мог? Хватит тебе. Выпей вот и молчи.

ТАТЬЯНА. Маня! Очнись! Проснись! Ты с гастарбайтером сожительствуешь?!

МАРИЯ. Уже почти полгода. И он татарин, а не таджик, и не узбек. То есть, он не гастарбайтер. Он такой же гражданин России. Как и все. Только молодой.

ТАТЬЯНА. Дак и что теперь: старухам, гражданкам России, разрешается с молодыми гражданами России, с нацменами, разврат делать, так, что ли, кисюля?!

МАРИЯ. Танька, ну помолчи, а? И на отца не выступай, как приедет. Ленин говорит:

воруй, Сталин говорит: не трогай. Поняла?

ТАТЬЯНА. Ты к чему это?

МАРИЯ. Так. Сколько там нам еще осталось? Хоть порадоваться.

ТАТЬЯНА. Маня?! Ты звезданулась! Я вещи называю своими именами! Это же разврат! Это же уму непопиздимо! (*Молчит, ест*). Нет, нет, мне надо стресс заесть. Я буду это есть, твое. Говоришь, вот эти салаты твои? Нет, не буду! Этот молчун-заде помогал тебе готовить? Я его грязные руки вижу, и я не буду!

МАРИЯ. И не грязные. А просто загорелые. Да, помогал. И не ешь. А это, я ж тебе сказала – молодая жена заказала, из ресторана, это ешь.

ТАТЬЯНА. На папины деньги?!

МАРИЯ. И что?

ТАТЬЯНА. И это есть не буду. Я не буду ничего есть! Я лучше помру с голоду тут! (*Рыдает*). Да куда он ее повез, куда он отвезти ее здесь может?! На речку?

МИША (*поет*). «Поедем, красotka, кататься, давно я тебя поджидал! И за борт ее бросает в набежавшую волну!».

ТАТЬЯНА. А правда, может, он ее бросит в набежавшую волну? И дело с концом, и все проблемы решены? Подсказать ему? Позвони ему!

МИША. Папа уже звонил и сказал, когда мы ехали впереди, а он сзади, на машине, сказал, чтобы начинали за столом, что – мы, ну, они, мол - сейчас подъедем. Может, им надо просто в тишине после этой суеты побыть. Может, он на цугундер хочет. (*Смеется*).

ТАТЬЯНА. Заладил про свой «цугундер»? Что это значит?

МИША. Красивое слово. Я писатель, собираю всякие словечки. Рустам, я писатель, понимаете?

ТАТЬЯНА. Писатель, писатель, тысячу раз уже! В гробу в белых тапочках видала я таких писателей! Дурак! Я тоже писатель! Роман «Сволочи» я уже написала! Теперь заканчиваю роман под названием: «Суки!». Нет, ты его: поддерживаешь! Вот она, вот она – ваша поганая мужская солидарность! Вот она! Вы все твари развратные, вы просто куклы, для вас бабы – секс, вы не люди, вы бесстыжие, бессовестные, наглые, подлые!

МИША. Мы же и бессовестные. Ну ты дала. Конечно: для нас бабы - кекс, а не секс. (*Смеется*).

ТАТЬЯНА. Смешно тебе? Каламбуришь? Дурачок! Не смешно, нет! Кисюля! Он ведь в церкви с ней венчался, тьфу! С мамой с нашей не венчался! А с этой – венчается!

МИША. Потому что сейчас такая мода. Так все делают.

ТАТЬЯНА. Все кокаин теперь нюхают, сидят на белом порошке, тогда и нам так делать?

МИША. Да что ты завелась? Выпила, орать давай. В церкви молчала.

ТАТЬЯНА. У меня язык отнялся потому что! Я что, на нее кинуться должна была? Там поп с кадилом ходил, как я на него закричу?! И что я закричу? Что я – против?! (*Кричит*). Э, Рустам?! Это – наш изба! Наш дача! Я тут маленький бегал, а теперь тут вот! (*Рыдает*). А теперь тут будет Наденька-жопка-гладенька хозяйничать! Одна мучка, да не та ручка!

МАРИЯ. Да, я помню, как ты маленькая и засратенькая жила тут всё лето, тут бегала, в коричневых колготочках! Наталья с Германом тогда часто тут были. А потом Лизка маленькая тут росла, ко мне прибегала, я ей пирожочков пекла со щавелем. Я квартиру сдавать в городе стала лет 20 назад, как раз она родилась. Раньше жили тут, а потом перестали. Лизка, ты помнишь? Ты меня любишь?

ТАТЬЯНА. Ты нам не совсем соседка. Кисюля, ты нам родственница. Вот ты и приглядываешь без оплаты за домом.

ЛИЗА. Люблю, конечно, баба Маруся.

МАРИЯ. Не зови меня бабой при Рустаме. С ума сошла?

ТАТЬЯНА. Замолчите вы, все бабушки и все внуки! Ты отцу двоюродная сестра, ему 65, тебе 65, замолчи, ты старая, старая! *(Кричит Рустаму)*. Он – мой тетя, понимаешь? Он – родной тетка мой!

МАРИЯ. Да не родная я вам, а троюродная, седьмая вода на киселе. Соседка почти.

ТАТЬЯНА. «Киселе, киселе»! Кисюля! Ты тоже - прибаутошница наша! Ты тут в лесу совсем озверела, гляжу?!

МАРИЯ. Моя бабушка и твой дед были двоюродными. Такое вот у нас родство. И потому дачи выстроили рядом.

ТАТЬЯНА. Хватит мне тут рассказывать про своё гинекологическое дерево! Хватит! Ты, дурак, Рустам, скажу тебе по-русски, хоть ты и не понимаешь! Дурачина ты, простофиля! Связался со старой, дурак!

МАРИЯ. Танечка, не завидуй. Я даже и не слушаю. *(Встала, стоит рядом с Рустамом, положила локти красиво на перила, улыбается, закурила)*. Ой, какой воздух тут – чудо! Как красиво у нас. И в город не ездят. Лес, речка, грибы. Смотри, смотри: зайцы бегают, видишь? Красавчики наши ушастенькие. Пусть, пусть он Наде покажет места наши привольные. И бассейн есть во дворе. А раньше тут просто сарайка стояла, чуланчик, в нем мы хранили лопаты да ведра. А потом – видишь, как поднялись, Рустам? Такую домину выстроили!

ТАТЬЯНА. Давай, запой еще тут, как Зыкина про Волгу!

МАРИЯ. И запою. *(Поет)*. «Ты Россия моя! Золотые края! Я твой тонкий колосок!».

ТАТЬЯНА. Помолчи! И так на душе кошки скребут, а еще ты тут воешь, как радио!

МИША. «Мама как поет» – ребенок сказал про маму, я слышал, в трамвае, когда мама пьяная пела. *(Смеётся)*. Кстати, про наше озеро. Там ведь лебеди жить стали? Ну вот. Есть «Лебединое озеро», а можно назвать: «Лошадиное озеро». Это когда танцуют толстые балерины. *(Смеётся)*. Смешно, да? Я писатель, Рустам, я всё время ловлю какие-то словечки из воздуха. Мне надо жизнь зафиксировать.

ЛИЗА. Ой, как вы мне все надоели.

МИША. Не вздыхай глубоко, не отдадим далеко: хоть за курицу, да на свою улицу, хоть за помело, да в своё село, хоть за Лыску, да близко, хоть за петушка, да за милого дружка. *(Смеётся)*.

ЛИЗА. Чего?!

МИША. Я говорю: не грусти, грудь не будет расти. *(Смеётся)*.

ЛИЗА. Ой, надоели вы мне все до смерти, ужас просто как.

ТАТЬЯНА. Миша, писатель ты наш! Ты написал одну книжонку к своему сорокапету, и больше не написал ничего, так? И книга твоя про что? О! Фэнтэзи! О, мы в мире грез! О, ты в мире грез! О, Боги Скандинавии!

МИША. Таня, успокойся. Танечка, моя книга имеет жизненную подоснову. Да, действие происходит в фантастическом лесу в Скандинавии. И что? Мы все живем в фантастическом лесу. Вся наша Россия – это некая, понимаешь, Скандинавия. Кстати, издана моя книга тиражом 500 тысяч. Это кстати, понимаешь? Не хило, нет? И я еще

много напишу, Рустам.

ТАТЬЯНА. Ой, ну как же?! Он вставил свои пять копеек про тираж в пятьсот тысяч! Миша! Ты влез в эту тусовку писательскую, в эту корчагу гнилую, в Союз писателей, и ты там с ними только керосинишь! И вы там разговариваете про что-то высокое, да, но вы все там на деле – алкашня последняя, тунеядцы, бомжи! И ты не работаешь, Миша! Книга издана в мягкой обложке, ее читают дуры в трамваях и в электричках! О, да! Фантастический русский лес! С добрыми медведями и красивыми красавицами!

МИША. А тебе нужен унылый реализм? Тебе про хрущёвки надо писать? «Тьмы низких истин нам дороже ...»

ТАТЬЯНА. «... нас возвышающий обман». Знаю, плавали!

МИША. Ты, что ли, работаешь, Таня? Папа нас всю жизнь содержал. Но это очень интересно! Вот как, оказывается?! (*Смеется*). Дак ты всё-таки прочитала-таки мою книгу? Молодец. А говорила: нет. (*Смеется*). Таня, фэнтэзи – это всё. Россия - это фэнтэзи. Я сейчас обдумываю новый сюжет. Такой же. Фантазийный. Про Россию.

ТАТЬЯНА. Вот тебе сюжет, Миша: про фантастический, фантазийный русский лес. Значит, была у Зайца изба лубяная, а у Лисы ледяная. Дальше – знаете, что случилось. Заяц – наш папа. Лиса – понятно кто. У Зайца в доме было простое радио, а у Лисы было только сарафанное радио, а сарафана у нее не было вообще ...

МИША. Бред какой. Успокойся.

ТАТЬЯНА. Да, бред! Ну, куда уж мне додуматься до скандинавских Богов ... Это только с большого бодуна можно придумать такое, как у тебя ...

МИША. Хватит. Надоела. Давай, не будем поднимать вообще эту тему, хорошо? Ну, что про нас Рустам подумает?! Да, Рустам?

Слышно, как к воротам дома подъехала машина.

Звякнула калитка, и к веранде идут Герман и Надя.

Герман молодится, волосы покрасил, а Наде и молодиться не надо: совсем девчонка. Как будто внучка с ним рядом под ручку идет. Идет, улыбается, букетом цветов размахивает. Герман в черном костюме с бабочкой, Надя в свадебном платье.

Входят на веранду, Герман Надю прижимает к себе за талию, целует.

Все встали из-за стола.

МАРИЯ. Ой, вот они и наши молодые! Ну, накатались? Добро пожаловать! Ну, где вы там были, мы заждались, садитесь сюда, в центр стола, будем отмечать! Сюда, сюда!

ТАТЬЯНА. Да, садитесь, отметим. 15 лет Жебайке, триста лет граненому стакану, тысячу лет богам Скандинавии - Фрея, Тор, Локи, Шмора и Боря - или как там их зовут - вот что будем отмечать!

ГЕРМАН. Друзья! Родные мои! Я так счастлив! Я так счастлив! Таня, Миша, Лиза, Маша, Рустам, я так счастлив! Наденька, а ты как?

НАДЯ. Что?

ГЕРМАН. Ты счастлива?

НАДЯ. И я тоже, естественный процесс.

Садятся за стол, платье Нади гремит крахмалом.

ГЕРМАН. Я Надюше показывал пляж, тут, на реке, у Разбойничьего острова, куда мы всегда ездим летом. Ездили. Теперь будем туда с Надей ездить! Пикники, пикнички устраивать там будем, да, Надя? Шашлычки, салатики, ушица – всё у нас там будет, да?

НАДЯ. Естественный процесс. Мне что-то правая туфля жгёт прямо. Я босиком тогда буду, ага?

ГЕРМАН. Наденька! Друзья мои! *(Взял фужер с вином).* Надя, да, вот, это я тебе хочу сказать! Это наш дом, да! Тут была просто полянка много лет назад, мы приводили ее в порядок, в девяностые мы тут садили всякое, а потом – вот, газон теперь, бассейн даже, цветочки, качелька вот там тут у меня, Наденька ... Теперь мы тут редко, чаще всё за границей, а это нехорошо, неправильно ... Потому что Россия ...

ТАТЬЯНА. Кончай, папа, за Россию переживать. Надя! Мы приводили это место в порядок вместе с нашей мамой, Надя! Стояли раком тут всё лето, Наденька! Работали как проклятые, чтобы создать это всё. Маму нашу звали Наталья, Наденька, кисюля вы наша. Зовут, то есть. Она жива еще, Надюшечка, если что.

НАДЯ. Я знаю. Если что.

ГЕРМАН. Подожди, Таня. Так вот, Надя, тут у меня словно всегда включалось что-то в зрении. Я тут, на природе, всегда видел иначе жизнь и что-то понимал о ней ...

ТАТЬЯНА. Ну, давай: расскажи нам о своем понимании жизни, о зрении, давай: понеслась душа в рай, а нога в милицию! Расскажи нам: бегу, волосы назад, рубаха пузырем ...

ГЕРМАН. ... И вот тут, глядя, скажем, на листок, упавший с березы в бассейн, или на паутинку, где паук ест свою мушку ...

ТАТЬЯНА. Хороший образ, папочка. Только кто тут паук?

ГЕРМАН. ... Да, да, тут только я вдруг видел жизнь иначе, в увеличительном стекле! И я тут бывал счастлив, в соединении с природой! Но счастье ушло ... Когда-то оно ушло ... Говорят: у Бога дней не решето ... А теперь, Надя, мне снова хочется приманить его, счастье моё, мне так хочется счастья!

ТАТЬЯНА. Молодец, папа. Всю ночь гребли, а лодку отвязать забыли.

ГЕРМАН. Что – молодец? Что, Таня?

ТАТЬЯНА. Ну, как в том анекдоте.

ГЕРМАН. Я не знаю никаких таких анекдотов. А ты можешь помолчать, дочь моя? Надя, она очень злая выросла, не обращай на нее внимания, Наденька.

НАДЯ. Естественный процесс.

ГЕРМАН. Ну и вот. Выпьем же, друзья, за счастье, которое хочется приманить!

ТАТЬЯНА. Много не пей, папа. Впереди брачная ночь, вдруг чего ...

ГЕРМАН. Да, счастье где-то тут, рядом, в листве, в птицах, в том, что ты, любовь моя, наконец-то рядом!

НАДЯ. Да. Давайте выпьем. Сига, чего вставать-то.

ТАТЬЯНА. Конечно, сига. Не стоймя же. Надечка, кисюлечка моя, как вы хотите, так и сделайте, родная моя, да, зайнька?

ГЕРМАН. Прекрати, сказал.

ТАТЬЯНА. Я и не начинала.

НАДЯ. Эти стулья пыльные. А платье белое. Кто бы протер? И от кого это пахнет? Чем это пахнет?

ТАТЬЯНА. Простите, что не приготовились, не вымыли тут, не протерли всё к вашему приезду, волновались сильно.

ЛИЗА. Мама!

ТАТЬЯНА. Да, а пахнет – ну, не знаю, от кого? Миша, от тебя? Нет. От Лизы? Нет. От папы, вашего мужа? Нет, он пахнет одеколоном «Босс»! От Марии, наверное, а? Ну, проще – от бабушки Маруси? Да нет! От кого же это пахнет, как от китайца? А это либо вот от нашего Абрама-Ибрагима-Рустама запашидзе, он не понимает русского, с ним можно запросто. Ну, вот. Или, может, остались еще вы, Наденька? Не от вас запашок?

Герман. На платье тебе упала божья коровка. Их тут много летает. Смотри, какая красивенькая, ползет, сейчас полетит!

ТАТЬЯНА. Это знак от Бога. А что еще-то? Божьи коровки на нас на всех падают, и сразу лапки кверху, и здыхают. А вот с вас – они взлетают, взмывают, как с космодрома. А на нас – на нас они лапки кверху. Это знак. Вы другая, мы – тоже. Мы – барахло, а вы – модель и селебрити.

Надя. Чего? Какой знак? Я что-то ничего не понимаю?

ТАТЬЯНА. Знак, что нам пора домой улетать. Мы ведь как Божьи коровки. Вжик! – и нету нас, в небе уже, у Бога. Да и мы теперь тут никто. Нам надо валить, да, Лиза? Да, Миша? Поехали. Кончен бал, погасли свечи. Понеслась корова в щавель.

Герман. Мы только начали застолье. Только всё началось.

Мария. Я протерла стулья, Надя, садись уже тут, пересеядь сюда ...

Надя. А мы давно на «ты»?

Мария. А?

ТАТЬЯНА. Простите ее, княгиня, кисюля вы наша, простите ее, глупую, вырвалось у нее, она не со зла! На «ты», на «ты», на «ты» - ты с кем, блядь, Маня?!

Миша. Выпьем, да? Надя? Шампанского?

Надя (смеется). Да я и водки могу хряпнуть. Делов-то. Естественный процесс. Согреться надо. В машине так дуло, окна открыты были. Но красиво тут везде всё, да.

ТАТЬЯНА. Когда ехали, платье развевалось, да, Надя? Опасно это. Вот Айседора Дункан так же вот ехала в платье в таком, в шарфике, а шарфик закатало в колесо и ...

Надя. И что?

ТАТЬЯНА. И померла. А Есенин с горя потом тоже – чивырк! – и вздернулся тоже.

Надя. Правда?

ТАТЬЯНА. А вы не читали, кисюля?

Надя. Нет пока. Я вам совсем не кисюля.

ТАТЬЯНА. Ну, и Бог с ним. С ними со всеми. Пусть их всех в колесо закатывает. «Ну, понеслась!» - сказали две курицы и поднатужились.

Надя. Ой, нет, водки мне нельзя же, я же забыла. И шампанского тоже. Мне же рожать скоро.

ТАТЬЯНА. Что? Вдруг пронеслась собачья будка, а с ней собака на цепи! Ого! Ну, всё. Кого рожать? Кто рожать? Когда рожать? Уже рожать? Всё, говорю! Пошла горбатая вприсядку.

Надя. А кто меня трогает за ноги под столом?

Миша. Не я.

ТАТЬЯНА. Это котик наш жметя к хорошему человеку! Кисюля наша бродит среди ног, как в фантастическом лесу Скандинавии!

МИША. Надоела. Выпьем!

ТАТЬЯНА. Хорошо. Тогда я тост, ага? Значит, объясняю тебе, Ибрагим, Рустам или Абрам, как там тебя ... Итак! Кисюля наша, Рустам, введу тебя в курс дела. Это – моя отец, этот – его жинка, этот – мой тетка. Понял?! Да провались вы все тут - всё вам объяснять! Короче, папа, поздравляю вас обоих, и вас, особенно, Наденька!

НАДЯ. А почему это меня особенно?

ТАТЬЯНА. Потому что у вас такое приобретение, в смысле, кисюля моя, в первый раз вы замуж, а папа – во второй, а для вас - один раз, как говорится ...

НАДЯ (*встала, держит фужер*). Да, да, спасибо вам. Это сок. Тут воздух, конечно. Я была тут с Герой один раз ...

ТАТЬЯНА. Я и говорю: один раз ...

НАДЯ. А вы можете помолчать, нет? Спасибо. Ну, мы с Герой не деревенские жители, мы будем жить в городе в основном. Там – хорошая квартира, три комнаты. Тут – да, но мы – нет.

ТАТЬЯНА. Понятно. Там – да, но тут – нет.

НАДЯ. Да. Тут – нет.

ТАТЬЯНА. Пусть невестка и дура, только б огонь пораньше дула.

НАДЯ. Что? Гера, ешь, закусывай, не обращай внимания. Таня, Татьяна Германовна, вы мне так вот не говорите, а?

ТАТЬЯНА. Что именно?

НАДЯ. Ну вот это вот: «кисюля, кисюля». Ну, какая я вам «кисюля»?

ТАТЬЯНА. А что такого? Вы же Гере, Герману, то есть, ну, Герману Сергеевичу, папочке моему старенькому, говорите, поди: «Зая!». Нет? Так вот говорите: «Зая, поедem в Дубайю!»? Нет? Не говорите?

НАДЯ. Нет. Мы не собираемся в Дубаи. Мы будем экономить. Я работаю. Гера работает. Детей надо на ноги поднимать. Я рожу, детям нужны деньги.

ТАТЬЯНА. Нет, ребенку денег не надо. Ему надо ласку и доброту.

НАДЯ. Денег надо всем. Естественный процесс.

ТАТЬЯНА. Ну, вам-то точно надо денег, Надежда Патрикеевна.

НАДЯ. Я не Патрикеевна. Я Семёновна.

ТАТЬЯНА. Лису в сказке зовут «Лиса Патрикеевна». У нее еще на стенке висит радио сарафанное!

НАДЯ. Я не читала.

ТАТЬЯНА. Думаю, вы не умеете. Ой, да вы не Кисюля, а Лисюля! Такая вот хитрая, хитренькая лисичка! Не вы, нет? Вы разве не Лиса, нет?

НАДЯ. Как вы много говорите, Татьяна Германовна. Вы хотите скандала? Его не будет. Гера, молчи! Мне надо с ней разобраться и поставить все точки над «ё».

ТАТЬЯНА. Над «и».

НАДЯ. В данном случае – над «ё». Татьяна, я люблю Геру, вашего отца. Вас смущает что-то? Разница в возрасте, да?

ТАТЬЯНА. Разница в воздухе. Вам вот тут - то плохо пахнет, то воздух - чудо. Интересно

девки пляшут, если снизу посмотреть. Да?

НАДЯ. Ой, всё. Я вас и вашего юмора совсем не понимаю. И не собираюсь понимать. И я тут не буду под чьей-то подошвой, словно меня из жалости в дом позвали прислугой работать. А раз мы муж и жена, то, на правах хозяйки, я вполне могу, если меня оскорбляют, я могу нежеланным гостям показать на дверь. Такой вот мой тост.

Села, ест, улыбается.

ТАТЬЯНА. Что?! Что ты сказала?! Ты меня, сикуха поганая, меня, меня, меня ты будешь гнать из моего же дома?! Что?!

НАДЯ. У вас дом в городе. А тут – дача. И она наша с Герой.

ТАТЬЯНА. Нет, ты понял, Абрам-Ибрагим-Рустам?! Нет, ты понял?! Он ему – жена! Он меня – пугайтен! Абрам, слышишь?!

РУСТАМ (*вдруг громко*). Вы меня простите, пожалуйста. Меня зовут Рустам. И не надо так кричать. Я всё понимаю, и я спокойно говорю по-русски.

ТАТЬЯНА. Вот как?! Еще один вылупился жених?! Как война - мы шмыг тайга, как медведь - мы зареветь, кедр лезем, шишка бьём, бурундук мозга трясём?! Каля-балясы Пятачок, зур-зур секрет белям? Киш-бабай, киш-бабай! Дед Мороз идет! Мин син ярутам, приходи к воротам! Так?!

РУСТАМ. Вы про что? Я вообще не понимаю?

ТАТЬЯНА. Про то я! Про то! Мария, ты зачем врала, что он не понимает?

МАРИЯ. Чтобы ты к нему не приставала.

ТАТЬЯНА. Я не пристаю, к нему Миша пристаёт. А ты, кисюля татарская, что ж ты молчал, как шпион? Сведения собирал?! Дак знай, вот моё сведение, раз так: я такие вот браки считаю преступлением! Понятно? Сообщи там всему Татарстану! Потому что я вижу, что за этим стоит! Что тут ни о какой любви, как она говорит, нет речи, и что ни о каком счастье, как он говорит – нет и быть не может! А я назову всё своими словами: ему надо похоть свою удовлетворить, а ей надо только одного – его денег, и положения, и всё! Тут всё яснее ясного, нечего и к ворожее ходить! И не говорите мне, что бывает иначе! Я жизнь прожила, и я знаю, что иначе не бывает!

ЛИЗА. Мама, поехали. Жебайку найду и поехали.

МИША. Я тоже с вами. Хватай мешки, вокзал отходит. (*Смеется*). Рустам, приятно было познакомиться.

ТАТЬЯНА. Сядь, я не всё сказала!

ГЕРМАН. Пусть говорит. Интересно.

ТАТЬЯНА. Ты, зая Рустам, ты что, ты тоже любишь свою бабушку? Ее дряблое тело, да? Или тебе её дом понравился, дом в четыре комнаты? Нет, конечно - не дом, тут любовь! Верю, знаю, знаю – любишь ты свою бабку! Ты ей тоже говоришь: заюля, кисюля?! Или как старичкам-бабушкам-разбойничкам говорят: «Бабуля-седуля, дедуля-пердуля, срамотуля-порнотуля!». Нет?

МАРИЯ. Да не ори ты, весь лес распугала. Рустам, не обращай. Она как выпьет – всегда такая заполошная. Маленькой такой не была.

ТАТЬЯНА. От такой жизни запьешь! Маленькая я не пила, а теперь пью!

МАРИЯ. Не ори, говорю.

ТАТЬЯНА. Я вам не поору! Я вот как сейчас дёрну эту скатерть на пол, чтобы все тут в помои, в крошево, в крошку превратилось, всё ваше убранство, все рестораны и

винегреты, и чтобы платье тебе испоганить, вот как дёрну, так будет вам весело!

ГЕРМАН (улыбается). Ну, дёрни.

НАДЯ. И что?

ТАТЬЯНА. И дёрну! Увидишь, что будет.

МИША. Лучше дёргай в морге покойника за нос. (Смеется). Нам, и правда, пора домой. Поехали.

ТАТЬЯНА. Нет, я договорю! Ты посмотри на нее: глиста в корсете, клизьма с пенициллином, посмотри! Поганому виду нету и стыду! Нет, я не уйду, пока ты не напишешь!

ГЕРМАН. Что?

ТАТЬЯНА. Завещание напиши - при нас, при всех, вот тут. И не забудь там меня с Мишей, да и Лизу до кучи упомянуть. Напиши тут! На салфетке, при всех, без нотариуса! Сейчас напиши, а я посмотрю, как у нее морда, рожа-то вытянется до третьей пуговицы, до земли, посмотрю!

ГЕРМАН. Напишу. Завтра. И не на салфетке, а у нотариуса. Раз так хочешь.

ТАТЬЯНА. Договорились. Хорошо. Тогда я поеду сейчас, но каждый день буду звонить тебе и напоминать. Ты понимаешь, кисюля, что она на твое богатство нацелилась, и она будет ждать, когда ты крякнешь, а может – травить тебя медленно будет?! Понимаешь?! У нее, поди, мышьяка полкило вот тут, в лифчике, в титьках для тебя запрятано! А потом она тебе в гробу будет ласково носик ваткой припудривать!

МАРИЯ. Таня, уходи.

ТАТЬЯНА. Не уйду!

ГЕРМАН. Так, вы что тут начали? Меня всё начинает бесить. Вы что устроили тут мне Олимпиаду в Париже, Тайную вечерю, бал уродов?! Сидят тут всякие татары, русские и мне выговаривают, выволочку мне устраивают, а?! Вам какое дело до моих дел, а?!

РУСТАМ. А татары тут при чем? Как что – так сразу: татары, да?! Я вообще молчу. Я тут вообще не при делах. Зачем вот я пришел? Чурка, чурка – надоели.

МАРИЯ. Никто тебя чуркой не называл.

РУСТАМ. У них в глазах написано, что я для всех – нацмен и чурбан.

МАРИЯ. Ничего там не написано, сядь.

ТАТЬЯНА. Вот, еще одна, поздоровайтесь, полюбуйтесь! Братик и сестрица, из одного выводка, одна порода! Стыд не дым, глаза не выест! Машенька и Медведь! Тут – Заяц и Лиса, а тут – Машенька и Медведь татарский! У нее тоже муж молодой, на сто лет её моложе!

МАРИЯ. Я тебе сказала: на сорок пять. И я не прячу свой возраст. Рустам знает.

ТАТЬЯНА. А чего его прятать? Делай, ни делай подтяжки, уколы, ботексы-шмотексы, а руки-то вот они, ручки шаловливые, вот они, сразу видно: старые! И брылы тут вот висят под подбородком!

МАРИЯ. Сама ты брылы. Ничего тут не висит.

ГЕРМАН. А чего я должен стыдиться, Таня?

МИША. Ассалам алейкум, Гитлер-ага! Так кино про войну на казахском озвучивают. Это я тебе, Рустам.

РУСТАМ. А я тут при чем? Нет, ну, дурдом какой. Пошли домой.

ТАТЬЯНА. Домой зовешь бабу Маню? К себе домой, да? Как ты там: дом еще не переписал на себя?

РУСТАМ. Пошли, Мария!

ТАТЬЯНА. Всем сидеть! Постой, татарин, дай саблю наточить! Я что, одна должна эта расхлебывать?

МАРИЯ. А ты не расхлебывай.

МИША. «Идут татары, горемыки, несут петицию Громыке ...» Это из детства. *(Смеется).*

ТАТЬЯНА. Ты в детство впал?! Ты какого хера барагозишь тут мне?! Он детей нарожает, нам ничего не оставит, а тебе шуточки да прибауточки, да вот эти вот твои какие-то собачьи частушки про сарафанное радио?

GERMAN. А тебе мало своего?

ТАТЬЯНА. Мне хватает. Но я не хочу чужим отдавать дом наш. Папа, ты, кажется, пьешь, ты сдвинулся от пьянки и такое творишь, да?

МАРИЯ. Пьющая тут только ты одна.

GERMAN. Я не пью давно, Таня. Закодировался. И нарожаю. Тебе, что ли, на стол положу, если нарожаю? Ты, что ли, их воспитывать будешь? Ты что вообще можешь, кроме как орать?

ТАТЬЯНА. Папа, папочка, они тебя не папой будут звать, а дедом!

GERMAN. Кто?

ТАТЬЯНА. Дети твои, если она от тебя их родит, а не от твоего шофера, как в кино бывает!

GERMAN. У меня нет шофера.

ТАТЬЯНА. Ну, от швейцара, от водопроводчика, от почтальона – блин, от кого хочешь! И эти чужие дети будут тебя звать дедом, а ты уже будешь лысый, если будешь краситься в рыжий цвет, как сейчас покрасился! Волосы у тебя повылазят! Облысеешь налысо!

GERMAN. Я не красился. У меня от природы такое.

ТАТЬЯНА. Красился, папа! Я помню тебя от природы! Детей этих надо будет поднимать!

GERMAN. Ты вон свою поднимай.

ЛИЗА. Не надо меня поднимать. Я сама поднимаюсь. И Жебайку сепйчас из-под стола подниму.

ТАТЬЯНА. Ты видишь? Твоя внучка и твоя жена – одного возраста. Ну?!

GERMAN. И что?

ТАТЬЯНА. А то!

GERMAN. Да какое твое дело?

ТАТЬЯНА. Год семьи и брака и традиционных ценностей у нас президент объявил, а вы тут такое устраиваете!

МАРИЯ. Мы как раз браки и устраиваем, и традиционные ценности.

ТАТЬЯНА. У вас не традиционные ценности! А ты, Миша – вообще дурак, заходи – никого дома нет, червяк тут у тебя в голове, не все дома! Не можешь меня поддержать!

МИША. Вот что я скажу насчет того, что у меня не все дома и что я дурак ...

ТАТЬЯНА. Да помолчи уже! Писатель! Младший помощник старшего подметалы! Квакует тут из болота! Да что это за мода пошла такая, да что это все с молодыми давай, да что это все кругом стали Пугалкины?!

МИША. Хватит, Таня! Помолчи, послушай. Я хочу, чтобы не уезжал никто никуда и не уходил бы. Я позвонил маме, и она сейчас приедет.

GERMAN. А зачем?

МИША. Ну, чтобы решить тут все вопросы, чтобы не откладывать в долгий ящик, и чтобы договорить всё и всем успокоиться. Папина женитьба всех так привела в волнение.

ЛИЗА. И бабы Марусина тоже!

МАРИЯ. А за Марусю не волнуйся!

ТАТЬЯНА. Кто приедет?

МИША. Мама приедет! Сидеть!

ТАТЬЯНА. Они с отцом в разводе десять лет почти. Чужие люди. Зачем ей приезжать?

МИША. Мы их дети – затем.

К воротам подъехала машина.

Вот, мама, легка на помине. Она мне написала, что едет.

ТАТЬЯНА. И мама тут ... Вот ура! Чудо! Приехала наша мать-настоятельница ...

От калитки к дому идет Наталья, ей 65 лет, рядом идет Игорь, ему 20 лет.

НАТАЛЬЯ. Я всё слышу. Сама ты мать, и сама ты настоятельница. Ну, привет всем. Ну, еще с дороги слышно вас – скубуются. Как обычно. А что еще делать? Скучно им, вот и скубуются. Белкины, одно слово. Бакланы, второе слово. Ой, нет, сороки, сороки, сороки! *(Смеется)*. Красавы. Дурачье. Игорь проходи, садись. Ну вот, я снова ин дер цухаузе! Дом стоит еще? Сто лет тут не была.

ТАТЬЯНА. Ты от Парижа устала, кисюля. Понятное дело. И сто лет бы тебе еще тут не бывать. А зачем? У тебя итак всё в шоколаде ...

НАТАЛЬЯ. Что, Танечка? Здравствуй, дорогая. Игорь, садись, сказала, ешь. Здравствуйте все! Ой, стол какой!

МИША. Мама, ты в своем репертуаре. А где Никита? Уже – всё? *(Смеется)*.

НАТАЛЬЯ. Ой, Миша, ты тоже тут? А, ну да, ты же мне звонил. Я совсем замоталась. Привет тебе, Михуил, привет. Гера, здоров тоже. Машка, ты не меняешься, всё такая же защеколда. А это твой новый хахаль? А старый где?

МАРИЯ. Наташа, на себя глянь.

НАТАЛЬЯ. Ну да, да, молчу. А это мой хахаль, так сказать. Новый. Точнее сказать – муж уже. Ой, Игореша, букет забыли в машине, сбегай, прошу, миленький, а? Не в службу, а в дружбу, а?

Игорь быстро идет к калитке, берет в машине букет, несет его к столу.

ТАТЬЯНА. Хахаль, муж. Фу. Слова какие. Скажи уж: прислуга. Совсем позор.

НАТАЛЬЯ. А вы Наденька, да? Здравствуйте. Красивое платье какое. Да, Игорёша, принёс? Ну, подари от нас букет невесте. А, уже жене, да? Ну и прекрасно.

ИГОРЬ *(отдал букет Наде, кричит)*. В небо взвиваются голуби мира! Рождается славная ваша семья! И восславляет вас песнею лира! С днем вашей свадьбы, друзья!

ТАТЬЯНА. Это что за?! Что за песня Сулико, что за маразм?! А?!

МИША (*поет, хохочет*). «Сулико моя, дорогая, не нужна теперь мне другая!».

НАТАЛЬЯ. Ой, сколько заготовлено жратвы-то! Так, давайте выпьем за новую ячейку нашего общества ...

ТАТЬЯНА. Мама, ты сейчас в своем уме?!

МИША (*хохочет*). Да она всегда такая была. Мама, ты прелесть.

НАТАЛЬЯ. Ты про - в смысле, что я одета в брючный костюм? Ну, я директор театра, нужен строгий костюм, такой, знаешь ли, чтобы был и рабочий, и торжественный. Меня ведь часто вдруг ни с того, ни с сего из кресла могут вынуть, так сказать. И вызвать сразу к мэру или к губернатору. Театр-то наш – главный в области, тут много идеологической работы ведется, да и вестись должно ...

ТАТЬЯНА. А они тебе, кисюля моя, ничего не говорят?

НАТАЛЬЯ. Кто?

ТАТЬЯНА. Начальники твои?

НАТАЛЬЯ. Говорят много. Но если ты про Игоря, то это мое личное дело, которое не должно касаться никого - ни в театре, ни тут, в нашем, так сказать, кругу семьи.

ТАТЬЯНА. Тут твоей семьи нет давно уже.

НАТАЛЬЯ. Ну, как нет – есть. Так вот, выпьем за новую ячейку, да я поеду, дел много. Миша позвал, а так бы я не поехала. К тому же тут такая атмосфера – сразу вижу! – много агрессивных людей.

Достала из сумочки веер, пудреницу, смотрится в зеркало.

Ой, сколько мух. На меня садятся – бр-р-р-р!

ТАТЬЯНА. Мухи редко ошибаются. Ну, что с тебя взять, мама, кроме анализов ...

НАТАЛЬЯ. Ты опять всё со своим гнилым юморком. И где ты научилась?

ТАТЬЯНА. Твое воспитание.

НАТАЛЬЯ. Гоняйте вы мух, что вы сидите? Мухи яйца отложат. Надо думать про это. Таня, это неправда. Я тебя такой не воспитывала.

ТАТЬЯНА. Воспитывала, воспитывала. Про что думать, говоришь, мама? Про яйца?

НАТАЛЬЯ. Ну, думай про них. Машина у нас – «Кадиллак Эскаладе». Дорогая, да. Для Игоря куплена такая машина. Театр купил. Мне и Игорю. Ну, больше для Игоря, ему нужнее. Говорят, для мужика машина – продолжение его сексуальной энергии. Ой, у меня такой завал на работе. Игорь, ну, что ты столбушком стоишь, сядь уже, не шьешь и не порешь? Ешь, зая, ешь.

МИША. Какой завал? Премьеры?

НАТАЛЬЯ. Да прям. Карьер новый копаем, глину вывозим - теперь прямо на силикатный завод ...

МИША. Ты ж директором театра?

НАТАЛЬЯ. И осталась. Одно другому не мешает. Прикупила еще и карьер.

ТАТЬЯНА. Ну, и оформила на Игоря?

НАТАЛЬЯ. Угадала. Надо же думать про отступное. А то губер сменится – и меня под жопу. Как бывало уже с моими предшественниками. С этими губернами – триндец просто. Представляете, пришлось недавно снять детский спектакль «Мишуткины игрушки». Позвонили из администрации губернатора: «Снимите эту сказку, этот спектакль,

немедленно!». «Почему?» - спрашиваю. Отвечают: «Потому что нашего губера зовут «Михаил Иванович». И что? У него какие-то игрушки особенные? Дурдомище. Сняли. Не губера, спектакль. А тут мы поехали в область на выездной, а там мэр в городе по имени Сергей. И что? Там играть спектакль «Сережа очень тупой» – нельзя. Так что, живешь и оглядываешься, как бы не провалиться в болото. А ведь у нас накоплены серьезные компетенции в театре. Мы в театре научились создавать качественный продукт по конкурентным ценам. Понимаете? Главное – коллаборация театра с городом. Ну, и питчинги, фандрайзинг, и так далее. Школа Дадамяна. Не слышали? Ну, Кирилл Крок! Не в курсе? Ну, ВТФМ?! Нет? Тоже не подсекаете?

МИША *(смеется)*. Мать, на цугундер тебя надо. Бредишь.

НАТАЛЬЯ. Нет, не брежу. Так что работы много. Я и с администрацией области дружу, точнее, страдаю с ними. Ну, и главное: еще и с этими дебилами, кретинами, мохнатыми зверьками маюсь. Да, да. Это я про артистов моего театра. Их еще называют «тюбики». Надавишь, бывает, а оттуда – сами знаете, что вылезет ...

МИША. Тюбики! Это хорошо: тюбики! *(Смеется)*

НАТАЛЬЯ. Про них я так говорю, милая Таня, про них, любезных, сердешных. Да, да, при Игоре говорю, он знает моё к ним отношение. Игорь, мне только компотику налей, да? А ты, сына – уже в лоскуты? Эх, сына-сына. Еще не женился? Ох, сына. Боюсь я за тебя. Ну, да и Бог с тобой. Ты, знаю, на бутылочной пробке подскользнешься и уже - в запое неделю, так? Так. Девушку не нашел себе? Или бабушку хотя бы? Нет?

МИША. Мама, да ведь тебе по барабану.

НАТАЛЬЯ. Ты прав. Я вас родила, а остальное уж – вы сами. Ну и ладно. Ну, пьем? Горько?

Все встали, чокаются. Татьяна сидит и рыдает.

ТАТЬЯНА. За что?! За что?!

НАТАЛЬЯ. Что такое? Что с ней? Тише, Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч. *(Смеется)*. Будто я и не выходила из театра. Там тоже все истерички. Какие же вы все больные - и тут, и там.

МИША. А Игорь – артист, да?

НАТАЛЬЯ. А Игорь – артист, да. Красивый, правда? Не заглядывайся так откровенно.

МИША. Очень, да. Да, красивый. Надо сходить к тебе. Кого он играет? Ромео?

НАТАЛЬЯ. Кота в сапогах в основном. Мальчика-с-пальчика еще – большая роль, недавняя премьера. Ну, и Буратино - давно.

МИША. И даже Буратино? Очень приятно. Цугундер, цугундер, цугундер ...

ИГОРЬ *(кричит)*. Тост за молодых! Чтоб голуби вокруг летали, стучали в новый дом в стекло! Чтоб стены вас добром встречали, в шкафу звенело серебро! Чтоб детским криком огласился еще не раз ваш новый дом! Чтоб ангел в детскую спустился, покой хранил своим крылом!

ТАТЬЯНА *(рыдает)*. Да заткнись ты! Лучше спляши нам танец Буратино! Что-то из твоей деревянной жизни!

ЛИЗА. Мама, кончай.

ТАТЬЯНА. Я еще и не начинала! *(Встала, ходит по веранде)*. Ну, Лизонька, теперь твоя, стало быть, очередь. Давай, доставай из-под стола.

ЛИЗА. Кого?

ТАТЬЯНА. Своего старичка.

ЛИЗА. Какого старичка?

ТАТЬЯНА. Ну, раз у нас такой вот круговорот воды в природе, в смысле – старые с молодыми, то и молодые должны быть со старыми. Раз у нас тут повальная геронтофилия началась, или как там у вас называется – любовь к отеческим гробам, что ли? Ну дак – у тебя, Лиза, по логике, должен быть какой-то старикашка, нет? И ты, чтобы меня доконать, сейчас мне его предъявишь, да?

ЛИЗА. Мама, у меня всё нормально. Мама, сядь. Какая муха тебя укусила?

ТАТЬЯНА. Не мухи, а комары меня кусают, пьют мою кровь! А мухи просто так пикируют, садятся на меня, как на навоз последний, и яйца во мне откладывают! Он, твой старичок, может, под столом, потому что он лилипут, или собачка, или еще что? Главное, чтобы богатый был, вот как твой дедушка! Доставай его за волосы, тяни его из болота!

ЛИЗА. Мама, сядь, у меня всё нормально. Ну вот, под столом сидит Жебайка, котик наш. Иди на ручки, кисонька!

Взяла кота из-под стола, посадила на колени, гладит, улыбается, разговаривает с ним.

Ты где был, Жебаечка? Мышей в лесу ловил? Молодец, молодец, молодец какой ...

ТАТЬЯНА. Вот, и Жебайка наш пришел! Все совсем в сборе!

ИГОРЬ *(кричит)*. Ах, свадебные голуби, и белые цветы! Невеста ослепительна, жених - под стать любимой! Пусть ваша жизнь семейная, начавшись с красоты! И дальше продолжает быть такой неповторимой! Выпьем! Ваше здоровье! *(Пьет, смеется и ест)*.

ГЕРМАН. Таня, что ты разоралась? По-твоему не будет, всё сделано, всё решено. А если тебе надо что-то из моего – так забери. Тебе нужна эта моя квартира в городе? Будто у тебя своей нет? Ну, забери ее. А я куплю другую нам с Наденькой.

НАДЯ. А зачем отдавать, Гера? А с чего это? Это какой-то совсем уж не естественный процесс.

ТАТЬЯНА. Смотри, как вспыхнула, а?! Да не спеши, коза, все волки твои будут.

ГЕРМАН. Я заработаю, Наденька.

НАДЯ. Да нет, тут дело принципа. *(Встала, платье шуршит крахмалом)*. И с чего это меня всякая сямка, всякая шушваль будет порочить, бесчестить? Я не в канаве валялась и меня не на помойке подобрали, ясно вам?

ТАТЬЯНА. Правда?! А где? На каком вокзале?

НАДЯ. Помолчи, коза! Кочумай давай, развонялась.

ТАТЬЯНА. Недаром я читала книгу: «Как разгадать мерзавца!». Там про мужиков, но и про баб сходится. А тебя тоже не в канаве нашли, Игорь?

ИГОРЬ. Нет, не в канаве. Я, Татьяна Германовна, закончил Екатеринбургский государственный театральный институт, отделение «Актер театра драмы и кино».

ТАТЬЯНА. Да что ты?! Постой, татарин, дай саблю выхватить! А почему картавишь и шепелявишь? А что я тебя еще в кино-то не видела? Пленка у них кончилась?

ИГОРЬ. Стоп, кино. Надя, вот что. Пошли. Мне надоело это всё. Какой-то вонючий скандал. Пошли.

НАТАЛЬЯ *(хохочет)*. Да ладно тебе, Игорь, у нас в семье всегда так: скубёмся. Как соберемся раз в пятилетку – так скубёмся, за волосы таскаем друг дружку.

ИГОРЬ. Надя, я говорю: можно вас на секунду сюда?

НАДЯ. Куда?

ИГОРЬ. Ну, встаньте и выйдите из-за стола, сюда идите, ко мне. Я же тамадой на свадьбах работаю, знаю, как нужно гостей веселить.

ТАТЬЯНА. А, точно! Он же тамада, подрабатывает после «Кота в сапогах», и сейчас они нам, две обезьянки, станцуют, браво, браво, давай, вали, хлопаем в ладоши!

ИГОРЬ. Надя, идите сюда, ко мне!

НАДЯ. У меня туфля снялась, давит, и мозоль ...

ИГОРЬ. Не страшно. Можно босиком. Так даже лучше. Мы с вами сейчас возьмемся за руки ...

ТАТЬЯНА. И что? И взлетите, как пердёж?!

Надя смеется, вышла из-за стола. Игорь взял ее за руку.

ИГОРЬ. Вот так, прекрасно!

НАТАЛЬЯ. Игорь, ну, какой же ты смешной ... Молодец! Развеял тоску! (*Хохочет*).

МИША. Очень красивый.

НАТАЛЬЯ. Миша, завянь.

ГЕРМАН. Я так хотел поддержки, мои дорогие, я так хотел, чтобы вы вместе со мной радовались. Я ведь болею, а вы даже и не спросите ... Мы, может, в последний раз вместе собрались здесь ...

НАТАЛЬЯ. Ой, да ты еще сто лет проживешь ... Какая у тебя еще болезнь?

ИГОРЬ. И мы с вами, дорогая Надя, мы, молодые, мы сбежим сейчас отсюда ...

НАДЯ. ... от этих козлиц и козлиц ...

ИГОРЬ. ... аки голуби небесные! Ура! (*Кричит*). Поздравляем вас, супруги, вы теперь одна семья! Жить желаем вам, друг друга уважая и любя! Словно голубь и голубка, вейте гнездышко вдвоем! Чувства трепетно и чутко берегите день за днем! Крепнет пусть союз с годами и семья числом растет! Пусть удача будет с вами! Впереди вас счастье ждет!

НАДЯ (*хохочет, хватая Игоря за руку*). Пойдите, Игорь, я не могу, у меня свадьба!

ИГОРЬ. И прекрасно! Я веду свадьбу, я всегда беру инициативу в руки, и всем нравится! (*Хохочет*). Там часто в конце или в середине свадьбы невесту похищают! А они, все гости – ищут невесту! И найдут ли? Не знаю! Страшна русская свадьба, как и русский бунт! Обычно невесту находят всегда, но в данном случае – вряд ли! Погнали наши городских делать кучерявыми! Бежим, Надя! Ура!

Хочет, хватая Надю за руку, они бегут к воротам, потом за дом, в лес.

Все визжат, вскакивают и бегут за ними. За столом остались Наталья, Мария и Татьяна.

Мария смеется, Татьяна плачет.

Татьяна не выдержала, вскочила, побежала за всеми.

Наталья стоит у перил, смотрит на всю компанию, хохочет.

Темнота

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Все бегут и бегают вокруг дома.

ИГОРЬ. Надя, повторяй! Погода шепчет – займи да выпей! Ура, ура, ура! Повторяй, ну?!

НАДЯ. Погода шепчет – займи да выпей! Ура, ура, ура! Повторяй!

ИГОРЬ. Ай, ай, догоняй!

НАДЯ. Ай, ай, догоняй!

ИГОРЬ. Ай-ай, помогай!

НАДЯ. Ай-ай, помогай!

ИГОРЬ. Ай, ай, догоняй!

НАДЯ. Ай-ай, ты слюняй, ты болтай, ты кончай, раздолбай, ты гундай, ты собачай! Не смейся меня, не теребенькай меня, не разгуливай меня!

Надя бежит за Игорем, он тащит ее за руку. Надя повторяет его слова и смеется.

За ними бегут Герман, Рустам, Татьяна, Лиза с Жебайкой в руках.

Бегут, как запалошные, по лесу, потом по берегу озера ...

... Наталья и Мария сидят за столом, едят и пьют.

НАТАЛЬЯ. Ну, какой же он живчик у меня, какой юморной, как он умеет всех завести ... Прелесть что за парень.

МАРИЯ. Понеслись по полю танки. Говорила – беременная, а носится, как коза.

НАТАЛЬЯ. Такая и соврет – недорого возьмет. Да пусть она его охомукает, а то он всю жизнь в меду жил. Пусть хоть теперь потянет лямку и помучается.

МАРИЯ. Тебе-то за что ему мстить?

НАТАЛЬЯ. Еще чего. Мстить ему. Я к нему равнодушна. Он мне полоцателен. Он мне отрижителен. Упыри и вурдалаки приготовились к атаке. *(Смеется)*.

МАРИЯ. Не боишься, что Игореша убежит от тебя?

НАТАЛЬЯ. Да куда он от меня денется ... Это не тот коленкор, Маша. Это сейчас другая масть пошла, другое поколение или, как грибники говорят: другая грибница, другой мицелий, другие корешки ...

МАРИЯ. Он же за молодой девкой побежал?

НАТАЛЬЯ. И что? И пусть. Что от этих молодых ждать, кроме визга? Я его специально и привезла, раз свадьба, чтобы он повеселил всех. Он умеет. Пусть он роль тамады повторяет. Он часто ведет свадьбы. А там положено невесту воровать. Вот и своровал. Ну, понарошку же. И смешно: «Ай-ай, догоняй! Ай-ай, не скучай!».

МАРИЯ. Артисты, да ...

НАТАЛЬЯ. А ты своего никуда не отпускаешь бегать, что ли? Или вот так сидите невесело над грядкой с редиской? Тогда, Маня, скажу тебе: плохо кончится. «Всей беды одно начало: сидела женщина скучала» – кто-то сказал стихи. Поняла?

МАРИЯ. Да куда он денется. Как твой, так и мой. Сорок лет – бабий век. А мне уж – сама знаешь ... Да и тебе.

НАТАЛЬЯ. Побежал ведь ... Плевать. А на что живете? Ты чем своего привязала?

МАРИЯ. Торгуем с огорода, что вырастим. Трасса рядом, там банки выставлю – денег полно к вечеру. Моя пенсия плюс. Да нам хватает. Он хорошо помогает, три теплицы у нас, 26 соток огород. Огородом. Редиской, сама говоришь. Ну, и квартиру я за дорого в городе сдаю. Живем. Дом у меня тут широкий, красивый.

НАТАЛЬЯ. Ясно. Молодец, что запрягла его в огороде боронить и вскапывать. Выпьем.
Чокаются, смеются, пьют.

МАРИЯ. А ты чем своего?

НАТАЛЬЯ. Чем артистов привязывают? Деньги, роли. Ой, делимся опытом! *(Хохочут)*. И что? Я с ярмарки еду. Мне можно. «А сейчас вам клоун Вася обоссyt девятый ряд!».

МАРИЯ. У него в Татарии еще одна семья, вроде, есть, катается туда раз в полгода. Да и пусть. Говорю же: бабий век – сама знаешь ...

НАТАЛЬЯ. Да и правильно. Нам с тобой должно быть – по боку всё. Никаких нервов, никаких ревностей. В нашем возрасте – молчать больше надо, и не дергать парней своих, а спасибо говорить, что рядом спят. Ладно. Молчу. Пьем. Поем и смеемся. Пей, не напивайся, люби, Маня, да не влюбляйся, играй, да не отыгрывайся!

Они сидят и смеются, машут руками, им страшно весело, поют что-то.

Страшно весело и Игорю с Надей, они несутся вокруг дома – три круга пробежали.

Потом побежали к воде – по берегу озера несутся.

Потом прибежали во двор к бассейну, вокруг него круги наворачивают.

Хорошо, что бассейн маленький.

Прибежали к крыльцу, и с криками: «Уя, уя!», навернули еще круг вокруг дом.

Вбежали на веранду, упали на свои места за столом, ржут.

Надя держит в руках кролика – поймала, и когда успела?!

Только Татьяна и Герман не смеются, бегали, запыхались.

Они не сели за стол, стоят во дворе, смотрят вверх на веранду, дышат тяжело.

Лиза котика в руках подкидывает и что-то кричит.

Миша тоже бегал, но так – за компанию, по пьяни.

Он, в основном, за Рустамом бежал, хватал его за руки.

НАДЯ. Игорь! Это было лучшее за весь день! Какая ржак! Я хочу есть! Выпить хочу! Ну, нет – только компот, компот выпить! Гера, не смотри на меня так! Смотрите все! Я поймала кролика!

ТАТЬЯНА. Это заяц! Ну, ты дала, подруга, ну, у тебя и хватка, мать, ?! Зайца поймать!

НАДЯ. Это заяц? Зайцев люди поймать не могут! Они же бегают триста километров в час! Или я – могу? Да, да, я всё, я всё могу!

ИГОРЬ (*хохочет*). Какая ты зая, зая какая!

НАДЯ. Зая, ага! Германчик, зая, я поймала заю! (*Хохочет*). Надо его сварить срочно! У меня есть знакомый таксидермист, я сделаю из него чучело и поставлю тут вот на веранде! Красиво будет!

ИГОРЬ. У Чехова чайка стояла, а у нас будет кролик! О, колдовское озеро! И пять тонн любви!

Надя, Игорь и Лиза умирают от хохота.

ГЕРМАН (*во дворе стоит, дышит тяжело, бабочка сдвинулась, волосы растрепались*). Наденька, подожди! Это что значит – лучшее за день? А венчание? А когда я тебе окрестности показывал? Это было не прекрасно разве? Ведь ты же сама мне говорила ... Понятно. С молодым лучше, да?

НАДЯ. Это что, в первый день и - ревности уже? Я так сказала? Я это сказала? Я сказала, что это было лучше, лучше было бегать, чем сидеть в машине, лучше, когда - бегать и видеть всё, лучше, чем мы с тобой на машине катались! Вот это сейчас – было лучше! Зайчик, ну, не сердись, мы немножко растрясли наши нервы и замяли скандалы! Посмотри, какого зайчика я поймала! Ой, он царапает!

Хохочут с Игорем.

ТАТЬЯНА. Пельмени разлепить, фарш в исходное состояние. Отпустите его на волю.

МАРИЯ. Ну, она права, отпусти. (*Взяла кролика у Нади, выпустила во двор, тот сразу побежал траву щипать*). С молодыми можно и побегать. Я бы вот тоже побежала, да вот ... А где мои норвежские палки?

РУСТАМ. Почему ты с нами не побежала? Можно было бы с палками! Я бежал за ними с палками!

ТАТЬЯНА. Это идея. Не ходить, а бегать с норвежскими палками. Бабушкам бегать за молодыми – это хорошая идея. Постой, татарин, дай саблю наточить ...

МАРИЯ. Да хватит, хватит, Таня ...

НАДЯ. Платье намокло, потеряло форму, колбасой теперь. Да и черт с ним! Китай поганый ...

ЛИЗА (*села, ест, кормит Жебайку*). А представляете, через много лет, когда нас не будет, нас раскопают, нашу пыль, не нас даже, даже косточек наших не останется, и вот раскопают археологи, найдут остатки наших вещей, наших всяких предметов, не знаю, что еще может остаться, микроволновок, там, или не знаю, что не сгниет, или еще чего и прочитают: «Маде ин Чина», и подумают, что тут, где мы живем, жили раньше китайцы и что тут был Китай, представляете?! Китайцы! Где Россия, ау?! Нету!

ИГОРЬ (*хохочет*). Китайцы тут жили и сидели на веранде, свадьбы справляли, косоглазые!

ТАТЬЯНА. Какая ты умная. Оставь кота мучать.

ЛИЗА. Я к тому, что будет после нас, мама.

ТАТЬЯНА. Ничего не будет. День прошел, число сменилось - ничего не изменилось.

ЛИЗА. А ты, бабушка, почему не побежала?

НАТАЛЬЯ. Директора театров не бегают. И я тебе не бабушка. Однако, резво ты, Игорёша, бегаешь.

ИГОРЬ. Я же натренированный, я артист. Я в свободное время занимаюсь сценическим движением, сценбой и так далее ...

МИША. И даже сценбой? Как интересно ...

ИГОРЬ. А что ты не побежала?

НАТАЛЬЯ. Ну, не солидно мне, говорю же.

ТАТЬЯНА. Ага. Директора театров сейчас не бегают, они сидят в тюрьме сейчас обычно. Даже бабушки.

НАТАЛЬЯ. Сплюнь двадцать три раза! Матери родной такое желаешь.

ТАТЬЯНА. Ничего я не желаю уже ни тебе, мама, ни себе. Как-то сегодня словно треснуло всё, сломалось, и жизнь моя мне кажется такой ничтожной и глупой.

НАТАЛЬЯ. Не завидуй. Найди себе мужика помоложе. Твой-то где?

ТАТЬЯНА. Где, где – рифмуй. Лежит на диване, чешет пузо, подушку давит, жрет чипсы, пузо жиреет у него и вся недолга. Он сегодня сказался больным, говорит: «Дак там вам и без меня хорошо будет!». Смотрю я на тебя, мама, и думаю: ты мне какая-то подружка, а не мать. Одногодки будто мы с тобой. А мне 45, тебе 65.

НАТАЛЬЯ. Тихо, Игорь слышит. Ай, хотя – пусть.

ТАТЬЯНА. Он думает, тебе 18? Дак нет же. У нас с тобой 20 лет разница, но мы сравнялись: ты старуха, и я старуха.

НАТАЛЬЯ. Ты про себя говори, ладно? Я не старуха. Следить за собой надо. А ты распустиха.

ТАТЬЯНА. Ты вся в подтяжках, в ботоксе, в золоте, а у меня откуда деньги?

НАТАЛЬЯ. А муж?

ТАТЬЯНА. Коней на переправе не едят. Он такой ленивый, вон – не приехал, только отцу «смс» прислал.

герман. Нет, он мне наговорил. Я не успел еще послушать. Потом послушаю.

НАТАЛЬЯ. Нет, включай сейчас и ставь на громкую связь, мы все послушаем!

Герман нажимает кнопку на телефоне, звучит голос Валеры.

ГОЛОС ВАЛЕРЫ. Герман Петрович, я вас поздравляю. Я надеюсь, вы слушаете это один, не при всех ...

ТАТЬЯНА. Так, стоп, выключи.

ЛИЗА. Нет, мы хотим послушать.

ТАТЬЯНА. Ладно, черт с вами ...

ГОЛОС ВАЛЕРЫ. ... Ну да, так вот. Я просто выпил и хочу вам много, и долго, и красиво что-то сказать ... Только если замолчу, дак знайте: это я плачу ... Знаете, я вас как мужик мужика понимаю. И сильно понимаю. Конечно, я к вашей доченьке, к Танечке, хорошо отношусь. Ну, столько лет вместе ... И Лизонька у нас хорошая. Хотя та еще, надо сказать ... Ну, не про то разговор. Ребенок она взрослый. Да. Вот именно, да. Взрослый. Простите, я плачу ... У нас ведь как принято: посади дерево, роди ребенка, построй дом. Ну, сына не вышло, дочь вышла ... Да и остальное – так себе ... Я уже всё сделал. Я еду с ярмарки.

ЛИЗА (*говорит коту*). Это папочка мой говорит ... Все повторяют сегодня про какую-то ярмарку ... Понял, Жебай? А когда – да, так – нет. А нет если, то никогда. А когда – что, то как? Да никак.

НАТАЛЬЯ. Почему ты с ним так разговариваешь?

ЛИЗА. Собаки понимают 250 слов и жестов. Могут выполнять команды и считать до пяти. Что примерно соответствует уровню развития пятилетнего ребенка. Коты и кошки понимают всё. Но не будут делать ничего. Что примерно соответствует уровню развития сорокалетнего женатого мужчины. Ну, как мой папа Валера ... Итак! Киса, слушай. Вот так. А когда – да, так – нет. А нет если, то никогда. А когда – что-то, то как? Да никак. Вот так. А когда – да, так – нет. А если нет, то никогда. А когда – что, то как?

ТАТЬЯНА. Ты с ума сошла в свои 20 лет. Что это у тебя за книга на коленях?

ЛИЗА. Ты мне дала.

ТАТЬЯНА. А, да. Книга: «Как разгадать мерзавца». Очень популярная. Издана тиражом три миллиона.

ЛИЗА. Мне не надо эту книгу, я без нее грамотная, вижу всех. Потому что: вот так. А когда – да, так – нет. А нет если, то никогда. А как? Да никак. Включите мне папу дальше.

ТАТЬЯНА. Не надо его.

ГЕРМАН. Нет, пусть говорит.

Герман снова нажимает кнопку на телефоне, снова звучит голос Валеры.

ГОЛОС ВАЛЕРЫ. ... Я уже и дом, и всё остальное сделал, да ... И мне, знаете, Герман Петрович, уже всё не интересно. Танечка ведь моя, блин, собака, она ведь мертвого задрючит ... Она ведь покоя не даст мне, когда я дерево сажу, когда я дом строю ... Я его построить не успел, а он уже горит, и она, конечно, останавливает коня на скаку и идет в эту горящую избу, выражаясь красивым языком. Вы извините, я выпил, и я поздравить вас хочу, Герман Петрович, хотя я это уже говорил, но меня слезы душат ... И я скажу тебе, Гера, на «ты»: как же я тебя, блин, уважаю, что ты всех послал на хер и женился на молодой! Так и надо! Им, сукам, назло! Гера, ты вообще - мужик! Вот так вот взять и сделать – и это дороже дома, дерева и сына, на фиг блин! Я плачу просто вот, Гера, вот кровавыми слезами, блин! Я завидую тебе! Но! «Его пример – другим наука! Но, Боже мой, какая сука, нет, скука!» Ты помнишь эти стихи, Гера?! Скука мне страшная! И я решил: а чем я тебя хуже, то есть, чем ты меня лучше?! Да ничем, Гера! Дак знай: у меня тоже есть молодая любовница, да! Кристина! Я с ней не оформляю пока отношения, но всё впереди! А с Танькой с твоей я – параллельно! А может, она и знает, да и пусть тогда, и

насрать! Так вот. Да. Это я не к тому, а вот к чему! Гера, я с тобой на «ты» теперь буду, потому что ты теперь мне не папа, ты мне никто, то есть, ты мне просто друг, я с тобой ни в каких родственных связях не состою! Потому что я вообще ухожу от твоей старой Таньки! Наша Таня громко плачет, понимаешь! Да и хер на нее, пускай поплачет, я ее столько терпел! Я просплюсь и завтра скажу ей это всё, а тебе, Гера – счастья со своей девочкой, и ты мне пожелай, а я тебе песню спою или стишок расскажу, нет, не буду, я пьяный, я буду плакать, расставаясь со своим прошлым, человечество смеясь расстается с прошлым, а я не человечество, а я с прошлым плачу, я к Кристинке к моей не поеду сегодня, сейчас, нет, и Таньке твоей звонить не буду, а утром – всё! Спасибо тебе за пример и за поступок! Понимаешь, уж если даже ты, хрен лысый, старый, если даже ты в твои-то годы начинаешь жизнь с нуля, с начала, то почему бы и мне не начать?! А то я уже протух с твоей Танькой! Ты ее попозже не мог родить, чтобы она сейчас помоложе была бы?! Если торопиться жить, то можно скоро помереть, так? Нет. Короче, нет, я заговариваюсь, я пьяный, мысль запинаясь, поздравляю, и пока! Прости, что не посетил лично и лично не поздравил! Знаешь, еще и неохота так на все эти поганые рожи, что там у тебя соберутся, на все эти рожи, которые как прошлогодний, нет, как позапозапозапрошлогодний огурец, на них еще смотреть – фу! Ей-Богу, сил нет! Короче: тэпэ и дэтэпэ. Пока.

МОЛЧАНИЕ.

ТАТЬЯНА. Это что такое было, папа? Что он такое сказал?

МИША. Он сказал: «Тэпэ и дэтэпэ».

ТАТЬЯНА. Ясно. ДэТэПэ. Ага. Незнаемая прямизна наводит на кривизну. То есть, я правильно поняла, что вы с ним сговорились, чтобы он тебе вот такое сообщение прислал? Чтобы он вот так вот меня мог бы прилюдно опозорить, размазать, осрамить? Какая Кристинка? Лизка, ты её знаешь?

ЛИЗА. Конечно. Давно. Мы с ней друзья. Она моя ровесница. И что?

ТАТЬЯНА. Ох, и тварь ты. Два дебила – это сила. Я ему вот сейчас позвоню, и сама ему скажу, что это он, он, он вот и есть – прошлогодний огурец! Нет, банан! Нет, баклажан! Нет, гнилой помидор!

ГЕРМАН. Не надо никому звонить.

НАТАЛЬЯ. Тогда – горько?

ГЕРМАН. Сама виновата. Ты весь день дома чем занимаешься? Ты всю жизнь дома сидишь? А он работает тебе.

ТАТЬЯНА. Моей работы не видно. Что же мне теперь делать? Жизнь моя рассыпается.

ГЕРМАН. У тебя семеро по лавкам? У тебя даже домработница есть. А ты лежишь и на нее покрикиваешь.

ТАТЬЯНА. Ты откуда знаешь? Ты видел, чтобы я лежала? Домработница три раза в неделю пыль трет, так трет, что лучше бы и не терла. Как у нас в подъезде делают генеральную уборку: воды побольше нальют, чтобы было сыро, чтобы все шло, скользило бы и падали бы, вот это называется – генеральная уборка. Что же мне делать?

ГЕРМАН. А?

ТАТЬЯНА. Что делать? Вы же слышали его?

ГЕРМАН. К чему ты про подъезды?

ТАТЬЯНА. Я их мыла когда-то, папочка, когда ты меня не обеспечивал, когда мы раком стояли тут на огороде. Ты забыл?

НАТАЛЬЯ. Падают, скользят так по воде, по кафелю только тупые – потому что такая вот генеральная уборка: дураков на тот свет отправляет эта уборка. Как говорили: 20 миллионов вымрут, потому как не вписались в рынок.

ТАТЬЯНА. Не вписались в поворот. Какая же ты злая стала, мама. Ты так про меня?

НАТАЛЬЯ. Про тебя. А ты посмотри на себя. У вас с Мишенькой такой разговор вечно поганый – только про бабки да про пожрать. Противно уже.

МИША. Медведь по корове съедает, да голоден бывает. А курочка по зернышку клюет, да сыта живет.

ТАТЬЯНА. Мама, ты отвратительна.

НАТАЛЬЯ. Не воняй мне тут. Поработаешь в театре – и не такой станешь. Раньше я руководила

ТАТЬЯНА. ... мукомольным комбинатом ...

НАТАЛЬЯ. Сама ты – комбинатом! Будто не знаешь?! Я руководила отделом образования города, а теперь - театром. Тут легче. Чудесно просто. Приду на репетицию или даже на спектакль, сижу, кофе пью из чашечки и смотрю на них, как они прыгают.

ТАТЬЯНА. Позорница. Кисюля. Кофе она пьет в зрительном зале. Позор.

НАТАЛЬЯ. Я там начальница. Что хочу, то и ворочу. А ты – идиотка. Я хоть в театре с кофею, а ты – с утра до ночи смотришь по телику «Морских дьяволов» или «Морских котиков» - не знаю, как там это говно называется. Там, где всё кино - с голыми мужиками на пляже. А ты лежишь на диване, а домработница шоркает под тобой пол. Коза. Вырастила идиотку.

ТАТЬЯНА. Не ври. «Морские котик» только днем во вторник и в четверг, и там не про голых мужиков, а про настоящих мужчин, которые на пляже всех спасают, там про дружбу и про взаимовыручку.

ЛИЗА. Жебайка, почему ты не морской котик? Или ты котик морской?

НАТАЛЬЯ. Ага. Про дружбу. Я знаю: ты смотришь это барахло без звука. Только картинку. Они там бегают по пляжу в трусах, и тёлки ихние в трусах – жуть, с автоматами бегают, трясут своим хозяйством, а ты мне тут про взаимовыручку говоришь.

ТАТЬЯНА. Это у тебя в театре твоим артисты с автоматами деревянными по сцене бегают и трясут хозяйством.

НАТАЛЬЯ. А они, сволочи с телевидения, подставляют так государство и правительство, разрушают ценности России – показывают это порно днем, а дети смотрят. Тоже!

ТАТЬЯНА. Ну, слышите? Ее слова - хоть в Библию, а мои и в татарские святы не годятся. Слышишь, Рустам? Мама, ты за детей у телика не беспокойся. Ты их в своем дурдоме-театре воспитывай получше.

НАТАЛЬЯ. Побеспокоюсь. У меня в театре традиционные ценности, никакого ЛГБТ ...

ИГОРЬ *(подсказывает шепотом)*. ЛГБТ!

НАТАЛЬЯ. Ну да! У нас идут только «Тимур и его команда», «На страже России», «Кутузов и Суворов» - у меня только патриотика идет!

ТАТЬЯНА. Блевантин у тебя там идет.

НАДЯ. Итак, я беременна. Скоро рожать. Ну, как скоро: через шесть месяцев.

ТАТЬЯНА. Вот, будет тебе еще один зритель, на ёлку и на «Суворова» - жди, придет бесплатно по старой памяти.

МОЛЧАНИЕ.

РУСТАМ. А вообще: русский язык – это высокая кухня. Я знаю и английский хорошо, но английский – фастфуд для бедных, это правда.

МИША. Точно? Ну, да, я как-то не думал об этом, но ты прав, Рустамчик ...

РУСТАМ. Я тут рыбу ловил в позапрошлый год в нашем озере.

ТАТЬЯНА. Озеро наше. Русское. России. И надо говорить: «В позапрошлом году».

РУСТАМ. Ну да. В позапрошлом году. И вот я на три килограмма больше положил. Этого самого ...

ГЕРМАН. Чего?

РУСТАМ. Ну, чего ложут.

ТАТЬЯНА. Ложут? Взрывчатки, что ли?

РУСТАМ. Ну да.

ГЕРМАН. Дак это ты был?

РУСТАМ. Я.

ГЕРМАН. Молодец. Не на удочку ловил, значит. Тут три дня после тебя и твоих трех килограмм поезда не ходили – все провода оборваны были. Дак это ты был?

РУСТАМ. Я. Но я тогда убежал. И месяц сидел в лесу. Признаюсь. У меня там землянка есть. Вырыл тогда. Там со мной от военкома еще один парень жил. Ну, не посланный от военкома, а прятался от военкома. Степан. Стёпа.

ГЕРМАН. Ясно. Татарский хан крымский, да папа римский нам бед понаделали. Тяжело жить русским. Татары мешают – Гоголь сказал.

ТАТЬЯНА. Он сказал, что немцы русским жить мешают, а не татары. Жуть. Этот - женится, этот – рыбу глушит тротилом, там в лесу от военкома парни прячутся, а эта еще – вдобавок ко всему рожать собралась. Это что, папа, ребенку будет 20, а тебе – 89, что ли? Или 90? Какой-то сюр. Не могу сосчитать.

ГЕРМАН. Мне будет 85.

ТАТЬЯНА. Или ты уже помрешь к тому времени? Ну, земля тебе пуховик.

ГЕРМАН. Не хорони.

ТАТЬЯНА. А ты собрался триста лет жить? А кто детей поднимать будет?

ГЕРМАН. Ты вон свою подняла.

ТАТЬЯНА. Подняла – и что? И не стыдно тебе, что внучка и жена – одногодки?

ГЕРМАН. Ты это уже тысячу раз сказала. Нет. Не стыдно. А ведь ты, Танька, и ты, Мишка всю жизнь на моей шее, как кровососы, как клопы, как комары вот эти, что летают. Ты же, Танька, ни дня нигде не работала. И ты, Мишенька, тоже. Я же думал, что деньгами своими заработаю любовь вашу. И кормил, и кормлю вас всю жизнь. Да и Наташенька - как сыр в масле всю жизнь – тоже.

НАТАЛЬЯ. Ой, Гера, дымно кадишь, святых зачадишь. Не ври уж. Я всегда была бизнесвумен, я была самостоятельной и осталась такой. Я трезвая всегда. А вы все, как пьяные – не земные, вы все какие-то – черт его знает: ино-прили-тяне. Ой, с вами жить – как на сварку смотреть.

ГЕРМАН. Да кто тебе всё в жизни сделал?

Встал, стоит у перил крыльца, молчит, смотрит на лес, слушает трещание сорок, потом говорит:

... Нет ни одного дома тут. Там была улица, было сено летом, сушилось, были дети, бегали, утята шли на яму купаться, и вот - нет ничего, стерто. И кто помнит, и кто вспомнит, когда мы уйдем? Так и будут люди думать, что тут всегда была степь и окраина, и что тут никогда никто не жил и не бегал. Никто не просыпался утром в крепком доме, а в окне тополя шумят, а на улице лето, а где-то озеро наше, купаться туда бежать, там утки плавают и гуси, в доме пахнет хлебом, и мама у печки. Невероятно, невозможно. Только картинки в моей памяти. Как у Набокова: сожгли усадьбы и нет их. И Москву, и Питер тогдашние, старые, дореволюционные - сожгли. Пришли ироды и сожгли, и стали в наших храмах коней держать. Только память моя какая-то, где-то, невысказанная, непрописанная, не выговоренная. Все поменялось, забылось, и время идет вперед, и топает железными сапогами-стрелками, вбивает всё прошлое в землю, всё делает чернозёмом, землей, на которой растет что-то другое. Оно и не хорошее, и не плохое, а просто - другое. А мне, когда я смотрю отсюда сюда, и всем нам, смотрящим оттуда, из прошлого, нам всем - вот это ваше, сегодняшнее, что стало через пятьдесят лет - кажется таким чужим, таким гадким. И не просто другое оно, это новое, а мерзость последняя. И не сделаешь, как было, как бы ни старался, ты не сделаешь ничего, ты не устоишь перед временем, и не сможешь бороться против времени, ты не сможешь бороться с ним, у тебя сил не хватит, потому что время – это пустота, вот и всё. Бей пустоту, воздух кулаками до крови – что получится? Ничего.

МОЛЧАНИЕ.

ЛИЗА. Ты о чём, дед? Про свое детство в деревне, что ли, вспомнил?

ГЕРМАН. Вот кот – если он залез к тебе на коленки и ластится – значит: что? Жрать хочет. Так и вы. Вы были добрыми ко мне, когда вам денег надо было.

МИША. Нам не денег надо было, а любви. А вы с мамой где были? Ты всё на работе, раз в неделю появишься как татарское солнце. А она уже сто лет как - по молодым всё.

НАТАЛЬЯ. Да закрой ты свой супохлебатор, Миша. Ты, правда, болеешь, Гера?

ГЕРМАН. Вы всё время ненавидели меня и продолжаете так же. Я ведь не знал, как надо, я ведь - в первый раз жил, я думал: дам денег, устрою их в школы, в институты и они будут счастливы. А вам, оказалось, другое надо было.

МИША. А нам другое надо было.

ТАТЬЯНА. Мы тоже в первый раз живем, кисюля.

ГЕРМАН. И что, что мне стыдно должно быть? И почему? Ты что пришла сюда: стыдить меня и укорять, и учить как жить? А я знаю и так. Думаешь, не знаю? Это моя маленькая, крошечная жизнь, и почему я должен ее жить, как надо тебе, им, ей, ему? Татарам вон?

РУСТАМ. А татары тут что, товарищи русские? Живите, как хотите. Мы от вас вообще отделились давно.

ГЕРМАН. Отделился ты. Ага. Тебя не отцепишь, репей.

НАТАЛЬЯ. Первый раз в жизни я согласна с тобой, Герман. Столько лет я с тобой прожила, а вот согласилась с тобой в первый раз.

ГЕРМАН. Что ты вдруг мне тут стала играть Клеопатру?! Согласилась она. Всё что-то втыкает свои мыслишки мелкие, всё что-то крякает из болота, чушь городит невпопад. Ты вообще не понимаешь, что происходит?! Ты вообще когда-то понимала что-то или нет? Что?!

ТАТЬЯНА. Мама красуется перед молодым мужем.

ГЕРМАН. Да он ей не муж, не любовник, никто он, он - сраный говнюк. Поганный артист, который хочет выехать на ее шее, поганный артист и всё.

ИГОРЬ. Я хороший артист. Я даже свадьбы веду. Но – ладно. Терплю. Я в гостях. Я тут даже и не тамада. Ладно.

МИША. Ладно, ладно, в трусах прохладно.

НАТАЛЬЯ. Тебе откуда известно, кто на ком выехать хочет? Может, у нас любовь, как и у тебя с твоей Наденькой? Нет? Только у тебя может быть? Тебе откуда известно?

ТАТЬЯНА. Я отвечу. Мне известно!

GERMAN. Я хочу хоть пару дней быть счастливым, и пусть все на хер идут лесом. Ты забыла, да, Наталья, ты не помнишь, да, как однажды мы шли молодые через Плотинку, счастливые, ночью, луна, звезды, и дождь шел, и там лужа на Плотинке была большая, и как я от счастья и любви к тебе лег в эту лужу в костюме, и лежал, звезды, луна ... Костюм новый, галстук, белая рубашка, а я лежал в луже, и ты легла со мной, и мы так ржали, ты забыла?! Я хочу, чтобы это повторилось!

НАТАЛЬЯ. Помню прекрасно. Потом после той пьянки две недели лежали в больнице с воспалением легких. Вот до чего любовь довела. Лежали в разных палатах, правда. Не в одной. Ромео и Джульетта, блин. Ты меня зачем растеребенькал до слез?

GERMAN. И что, что заболели? Зато были счастливы. А больше с тобой – ну, по пальцам сосчитать могу, сколько раз было такое же, потому что всё остальное с тобой была – мука дикая. А я снова хочу в лужу, в счастье, и чтобы снова - луна и звезды ...

НАТАЛЬЯ. Не будет такого.

GERMAN. Будет, не бойсь. У меня всё впереди. А ты обижайся, сколько хочешь.

НАТАЛЬЯ. Я не обижаюсь. Я знаю, что на обиженных волки срать ездят на речку.

МИША. Мама, ты яблоко кусаешь, а мне кажется, что сейчас твоя вставная челюсть останется на яблоке.

НАТАЛЬЯ. У меня не вставная, Миша. Я яблоки ем с зернышками.

МИША. Потому что хочешь, чтобы у тебя в животе сады зацвели.

НАТАЛЬЯ. Ну, считай, что так. Но вообще – полезнее с зернышками.

ИГОРЬ (смеется). Я слышу, как в твоём животе растёт сад!

ТАТЬЯНА. Ну, раз родилась лошадка с лысинкой, то с лысинкой и помрет. Это я так, про себя.

МОЛЧАНИЕ.

ЛИЗА. Хорошо тут. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка. Да, Жебайка?

ТАТЬЯНА. Какая пошлость.

ЛИЗА. Это Лермонтов.

ТАТЬЯНА. Что - Лермонтов?

ЛИЗА. Это Лермонтов сказал: «Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка. Солнце ярко, небо сине - чего бы, кажется, больше? Зачем тут страсти, желания, сожаления?».

ТАТЬЯНА. Ну, правильно, вы все умные, одна я у вас дурная.

МИША. А помнишь, мы маленькие были, отец нам горку тут делал зимой, и мы катались. Ну, не сам, а помогали ему – гастарбайтеры какие-то. И мы катались. Он же что-то всё время для нас делал. Он нас любил, как ты думаешь? Может, и любит до сих пор. Нет?

Рустам вдруг встал, приложил руку к голове козырьком, как солдаты честь отдают, стоит перед Германом.

GERMAN. Тебе что?

РУСТАМ. Честь отдаю.

ГЕРМАН. Зачем?

РУСТАМ. А вдруг вы будете министром обороны.

ГЕРМАН. И что?

РУСТАМ. Меня парень, Стёпа, там, в землянке, научил так делать.

ТАТЬЯНА. Понеслась моча по трупам.

ГЕРМАН. Я хотел тут всем про счастье рассказать всем, чтобы меня поняли, а ты, чертов татарин, мне всё перебил.

РУСТАМ. А я про свое, про татарское счастье. Честь вот отдаю вам.

ТАТЬЯНА. Да какое у татар счастье может быть?

РУСТАМ. Там в землянке мы с парнем Степой ели сушеные мухоморы и были счастливы.

ТАТЬЯНА. А детей не родили в землянке в той?

РУСТАМ. Нет. Не успели. Была облава от военкома. Парня забрали. Почти забрали. Он на крыше живет сейчас. А я притворился пеньком и меня не заметили.

МАРИЯ. На какой крыше он живет? Где?

ТАТЬЯНА. А зачем ты кормил этого дезертира?

РУСТАМ. Я исполнял обязанности Христа во время его отсутствия. Он мира хочет. Он против войны. Нормальное желание и у татар, и у русских.

МАРИЯ. Ты про какую крышу сказал?

РУСТАМ. Да не важно.

МАРИЯ. Да? Ну, ладно, всё. Вам всем пора ехать.

ТАТЬЯНА. Мы про завешание говорили, да?

НАДЯ. Не надо завешание. У нас составлен договор. Свадебный договор.

ТАТЬЯНА. Где половина имущества тебе в случае чего? Нет, папа, молчи, я тебя не хороню, но если развод – то половина всего: ей? А мы куда? На улку?

НАДЯ. Наоборот. Если развод, то только возьму сумочку и уйду. И ребенка заберу. Я попросила сделать такой договор. С нотариусом. Всё законно.

ТАТЬЯНА. Сумочку с бриллиантами и банковскими карточками?

НАДЯ. По себе людей не судят. Договор такой, чтобы он знал, Гера, что мне от него ничего не надо и что я люблю его.

ТАТЬЯНА. А что ж ты тогда сейчас за руку Игоря держишь?

НАДЯ. Да так. Для передачи энергии.

ТАТЬЯНА. Надя, ну, хорош играть, а? Или у тебя не все дома? Или что? Или правда есть такие, что стариков любят? Ну, не бывает же так, слушай, дорогая. Любят – молодость, любят – блеск в глазах, а не затухание искорок в камине. Любят длинные кудрявые или курчавые волосы у парней, или усы, или мягкую бородку, шелковую, упругое накачанное тело любят, прости, Господи, и мягкое чистое белое нежное тело у баб. И чтоб лицо без морщинок и без этих желтых пятен чтобы - ни на шее, ни на спине, будто горчицей в рожу дали, да, да, сунули словно рожу в тарелку с горчицей. Ну, что, не так, что ли?! И чтобы грудь упругая у девочки была, чтоб не висела она, как уши у спаниеля! Ну, что ты мне тут рассказываешь: он прекрасен душой?! Ну, не бывает так, ну, не говори ты мне, не лги мне,

и себе, и всем нам тут, ну?!

НАДЯ. Прямо телепередача «Час суда». Вы-то откуда знаете?

ТАТЬЯНА. Да я жизнь прожила. Или ты себя сама так уговариваешь? А не надо уговаривать, и крест на своей жизни ставить не надо, кисюля. Мол, я терпила такая, я буду терпеть, я смогу без всего вот этого молодого прожить, мне это не надо! Ага. А с чего ты на себя руки, не убивая, наложить хочешь, или уже наложила? Ну, в смысле, убиваешь себя - зачем? Если нет у тебя к нему, как ты говоришь, ни материальных, ни финансовых претензий нет, то - что тогда? А если ребенок родится от старика – инвалид?

ГЕРМАН. А с чего ему рожаться инвалидом? Я тебя, скажем, что – инвалидом сделал?

НАТАЛЬЯ. Но я понимаю Таню, как директор театра. У меня актрисы вот так же вот живут со стариками народными, чтобы только роли им давали.

ТАТЬЯНА. В чужом глазу соломинку мы видим, ну, а в своем не замечаем и бревна. В который раз спрашиваю, мама: этот артист – почему с тобой?

НАТАЛЬЯ. Да просто так. Я ему сразу сказала: иди сюда, ложись, потому что вам, то есть, тебе, Игорь, нужен взрослый друг, который поможет вам, тебе в жизни. И всё. Без брачного договора договорились.

ИГОРЬ. И я согласился. А что тут такого? Но, впрочем, еще и до того, как легли, я полюбил Наталью Сергеевну, Наташу, то есть, всей душой. Еще до того, как сыграл главную роль в «Капитанской дочке». Кроме Кота в сапогах. Кстати, это была роль на вырост, на сопротивление, и она была как Рубикон в моем творчестве.

ТАТЬЯНА. Боже, у него даже творчество есть! Кого ты там играл в «Капитанской дочке»? Пугачёва страшного?

НАТАЛЬЯ. Нет. Гринёва. Молодого и красивого.

МИША. Гринёва? Ух, какой ты бабилаз. *(Смеется)*. Как интересно. Я сначала не понял, а потом как понял ... Не поможет ни грелка, ни клизьма, нет спасения от ботулизма!

ТАТЬЯНА. Ты к чему это?

МИША. Просто – веселое рассказываю! Едем мы из Зарядья в Кремль девятый день! Та-та-та-та! И всё! Просто присказка!

ТАТЬЯНА. Этот любит старуху. А эта любит старика, а татары ...

РУСТАМ. Да что вы к татарам привязались?!

ТАТЬЯНА. Постой, татарин, дай саблю наточить ... Привязалась я, потому что татары из землянки любят тоже русскую старушку!

НАТАЛЬЯ. А тебе кто мешает так делать?

ТАТЬЯНА. А в кого влюбляться? Где? Не на кого глаз положить! Выйди, глянь – нет никого!

НАТАЛЬЯ. Не так смотришь. Русский час – всё сейчас.

ИГОРЬ. Есть. Не туда смотрите.

НАТАЛЬЯ. Правильно.

ТАТЬЯНА. А где твой дезертир, Рустам? Тащи его сюда.

РУСТАМ. Позвать? Шутите?

ТАТЬЯНА. Где он у тебя спрятан? Ты его спрятал?

РУСТАМ. Он на чердаке живет у нас. Давно. Прости, Маша. А когда Белкиных не было, он в этом доме жил. Потихоньку.

ТАТЬЯНА. В нашем доме?

РУСТАМ. А вам жалко?

МАРИЯ. Ты серьезно? Блин, думаю, кто жрет так много, холодильник пустой каждый день ...

РУСТАМ. Он там. Он там сидит. У него там окошечко. Он всё слышит давно. Я могу ему крикнуть, и он сюда придет. Позвать?

ЛИЗА. Ешь, Жебайка, ешь. А вырастешь, я тебе покажу, кого сожрать надо будет ...

ТАТЬЯНА. Зови. До кучи. Два дебила – это сила, три дебила – это мощь ... Кто работал и трудился, тот потом тазом накрылся.

РУСТАМ (*кричит*). Степа! Иди сюда! Давай, не бойся!

От дома Марии с букетом цветов идет Степан.

Молодой красивый парень, идет, улыбается.

СТЕПАН. Тут газон зеленый. А я прям как по облакам иду, босиком, нет обуви у меня давно. Будто газон не зеленый, такой красивый, а как синий – синий весь, как небо или как белые облака. Да?

ТАТЬЯНА. Чего?!

СТЕПАН. Здрасьте.

МОЛЧАНИЕ.

ТАТЬЯНА. Я сейчас зарыдаю, закричу, кончусь, утоплюсь, повешусь от этого дурдома! От этого абсурда! Вызовите скорую, пожарных, милицию, полицию, роспотребнадзор, налоговую, приставов, таможенников или еще кого!

СТЕПАН. Таня, не надо. Всё хорошо. Я давно за вами наблюдаю. Слежу. С крыши. Я давно из землянки вышел. Вы мне нравитесь, Таня.

МИША. Добрый день. Какой приятный молодой человек ...

СТЕПАН. Я из лесу вышел, был сильный мороз ...

ТАТЬЯНА. Чего?! Я тебе нравлюсь, кисюля? Но я просто домохозяйка! Я не ректор в университете, как Герман, я не закончила журналистику, как брат мой Миша писатель, я смотрю «Морских котиков», у меня квартира не моя, а Валеры и Кристины, как оказалось сегодня, и дача – папина, не моя, и машины у меня нет, у меня нет ничего! Только книга есть про мерзавцев! Но не мной написана!

СТЕПАН. И не надо. Вы красивая и всё.

ТАТЬЯНА. Приплыли тапочки к дивану! Иди отсюда! Не пугай меня, Стёпа, не надо! Я умру сейчас от разрыва сердца или у меня пупок развяжется! Не надо меня жалеть! Иди отсюда или сейчас пенделя получишь, иди, ну?! Тебе, Стёпа, надо от лихоманки лечиться!

СТЕПАН. Перестаньте. Пошли со мной лучше. Я ночью купаюсь тут, в бассейне. Пойдемте все. Уже ночь почти. Можно пойти купаться.

ТАТЬЯНА. Чего?! Чего тебе надо, Стёпа?! Стой ... Ты – ангел, да? Ангел с крыши, да?!

СТЕПАН. Да. Да. Да.

ЛИЗА. Пошли. Раз он зовет – пошли, мама.

Татьяна плачет.

Все встали, идут во двор, к бассейну.

МИША. Кролика поймайте и тоже его, в бассейн. И Жебайку тоже. Они плавать с нами будут!

НАДЯ. Чего?! Кролик мой!

МИША. А что такого?

ИГОРЬ. Может, искупнемся все, и правда?

СТЕПАН. Тише, Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч.

ТАТЬЯНА. Дурак какой. Какой дурак, это что такое, а?!

НАДЯ. Прыгаем в лужу? Ну?!

ГЕРМАН. Да! Прыгаем в лужу ...

СТЕПАН. Конечно! Вместе все - в лужу, в бассейн! Луна и звезды! Иди сюда, Таня, я тебя пожалею. Поплачь у меня на груди. Всё будет хорошо, Танечка, всё будет хорошо.

МАРИЯ. Ах, Таня, Таня, Танечка, с ней случай был такой, служила наша Танечка в столовой заводской ...

ТАТЬЯНА. Нигде я не служила ... Никогда, и нигде, и никому ...

СТЕПАН. Прыгаем в воду! Ура! Все, ура!

Все кричат «ура».

Таня рыдает и смеется.

Все прыгнули: с кроликом, с Жебайкой - как были в одежде, в чем были – прыгнули в бассейн, кричат и поют что-то.

Темнота

Занавес

Конец

*11 августа 2024 года, Логиново
- 3 января 2025 года, Екатеринбург*